

Александр Забусов

ВАРЯГ

Византийский
Узеа

Варяг

Александр Забусов
Византийский узел

«Издательство АСТ»

2020

Забусов А. В.

Византийский узел / А. В. Забусов — «Издательство АСТ»,
2020 — (Варяг)

Идет война в царстве Болгарском. Схватилась дружина князя Святослава с воинством Византийской империей. Отряд кривичей участвует в тяжелом походе. Повествование приводит читателя к побережью Черного моря, в Крым и на Дунай. После заключения мира Монзырев пытается не допустить гибели Святослава в схватке с печенегами. Получится ли это у него?

© Забусов А. В., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

1	5
2	18
3	25
4	31
5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Забусов

Книга 3

Византийский узел

1

Многие столетия Византийская империя, словно столп, поражающий окружающий мир ослепительным блеском сказочного богатства, притягивала к себе взоры соседних государств. Манила призрачным счастьем наемных воинов и купцов, ученых и богачей, каждый видел в этом государстве пример для подражания радости бытия. Только знающие люди, занимающиеся политикой на профессиональном уровне, понимали, сколь хрупким государством может быть столь огромная территория, собранная по крупицам, отрываемым столетиями у других государств, многие из которых совсем перестали существовать, ложась под пяту захватчика. Часто в самой империи вспыхивали мятежи бунтовщиков, призывающих сместить засидевшего на троне императора и заменить своим ставленником, и тогда по всей огромной территории щедро лилась кровь граждан, чаще всего невинных, не участвовавших ни в каких заговорах, звенели оковами колонны новых каторжников, направленных в имперские каменоломни, ветер раскачивал тела повешенных на пеньковых веревках и выставленных на всеобщее обозрение неудачников. И снова годы затишья внутри страны, и снова внешняя политика империи коренным образом переправляет судьбы малых народов, земли которых граничили с Византией.

Твердыни крепостей, возводимых вдоль границ, повергали в трепет врагов и союзников империи. Непомерно раздутая армия, состоящая из коренного населения и наемников, действующая слаженно и бездушно, с применением стенобитных машин и греческого огня, имеющая в управлении опытных полководцев, обладающих тайной искусства войны, наводила страх на царьков еще непокоренных государств и людей, живущих в них.

Но не только военная мощь армии способствовала расширению границ империи. В руках императоров имелось оружие, гораздо острее клинка гоплита, оно было коварней и изощренней, и это оружие называлось византийская дипломатия. От этого оружия пострадало уже не одно племя, не один народ, не одно государство.

Если интересы императора и Византии требовали нарушения взятых на себя обязательств перед кем-то или обрушения добрососедских отношений, хитрость и интриги шли в ход, нарушались любые обещания. Старое римское правило «Разделяй и властвуй!» главенствовало в действиях имперцев.

Десятый век империя встретила с ослабевшей армией, в коей службу несло уже не коренное население империи, а наемники и варвары. Земли, которые еще два-три поколения назад не входили в состав Византийской империи. Исходя из этого, дипломатия вынуждена была стать еще изощреннее и изворотливей. Искусство лжи наполнилось ядом дружественного участия в судьбе государств и народов, тех государств, которые попали в зону интересов империи. Радужные обаяния, предложенные имперцами, вдруг становились смертельным захватом удава, один рывок и мгновенное удушение.

Соседствующие с империей племена в большинстве своем вели кочевой образ жизни, поклонялись своим богам, подчинялись своему родовому закону. Все это послужило тому, что граждане империи называли их «варварами». Подчинить их было сложно, поэтому главной задачей дипломатии было заставить варваров служить нуждам империи, не допустить набегов на ее границы. Варваров подкупали не только деньгами, их вождям раздавали титулы, золо-

тые диадемы, мантии и жезлы. Девушек из знатных патрицианских семей выдавали замуж за вождей племен.

Сотни опытных дипломатов плели паутину интриг вокруг варварских вождей, не давая усилиться соседям, подчинить одно племя другому, разжигая войны между своими союзниками. Все это происходило при непосредственном заверении вождей в благосклонности императора. Сотни купцов и миссионеров следили за развитием событий в той или иной стране, искали любые возможности влияния на правящую верхушку, вся информация шпионского характера стекалась к первому министру – великому логофету.

В случае если сильного правителя невозможно было купить или одолеть чужим оружием, не удавалось отравить или уничтожить как-либо посредством наемного убийцы, страна его подвергалась экономической и политической блокаде, лишалась торговых контактов, а вдоль границ сжималось кольцо кочевников, готовых в любой момент совершить набег на непокорного.

На момент нашего повествования попытки византийской дипломатии подчинить Русь окончились неудачей. Сама русская держава превратилась в большое государство, раскинувшееся от Варяжского моря до устья Днепра, разорвала экономическую блокаду победоносными морскими походами киевских князей. Посланный на Русь священник Григорий, искусный политик и дипломат, не смог распространить христианскую веру среди недоверчивых славян, тем самым не смог открыть дорогу на Русь священнослужителям и миссионерам – шпионам Византии.

Единственно, к чему удалось склонить князя Киевского, так это к войне с болгарским царем Петром, но и здесь произошло простое совпадение интересов.

События, произошедшие в самом Константинополе, повергли империю в краткосрочный ступор. На пятьдесят седьмом году жизни принял смерть от руки Иоанна Цимисхия император Никифор Фока, процарствовав шесть лет и четыре месяца.

Анципофеодор поднял за волосы отрубленную голову Никифора Фоки и громко прокричал:

– Да, здравствует император Иоанн Цимисхий!

Патриции и охрана императора, собравшиеся в Золотой палате, послушно повторили, опустившись на колени:

– Да, здравствует император Иоанн Цимисхий!

Произошел очередной виток истории, доказывающий аксиому, касаемую самой Византии: «Императоры приходят и уходят, но империя вечна».

Солнечным, ясным весенним утром из боковой башни южных ворот, в фарватере реки караульные узрели ладью, замедлившую ход, направленную кормчим к пристаням Гордеева городка. О приплывших по реке тут же был оповещен дежурный начальник караула. И уже через короткий промежуток времени два десятка вооруженных, закованных в броню русичей вышли к берегу. Отряд бодро подошел к деревянным вынесенным в реку мосткам, наблюдая, как корабельщики закрепляют канаты, брошенные с кормы и носа судна, к столбам. Старший из прибывших воев с двумя страхующими его копьеносцами приблизился к срезу борта. Им навстречу шагнул уже немолодой, добротнo одетый в русское платье бородатый славянин, на поясе которого висел короткий меч, оружие ближнего боя, пользующееся любовью купцов, перевозящих товары по речным дорогам.

– Здравы будьте, витязи! – улыбаясь доброжелательно, показав ряд крепких белых зубов, поприветствовал прибывший, отвесив при этом соразмерный своему положению в обществе поклон.

– И тебе здоровья. Что-то не видели тебя ранее у берега нашего. Что привело тебя к нам? Кто сам будешь? Из каких краев? – набросал после приветствия вопросов десятник городковской стражи.

– Купец я, из Турова, из земель княжества Киевского. Сейчас из Олешья домой воруемся. Слава богам, хорошо расторговался у моря Греческого.

Краем глаза десятник Свирыня заметил вышедшего из небольшой каюты на палубу высокого, худого, словно жердь, человека, одетого в черную длиннополую одежду с символом Белого Бога на груди, висевшим на серебряной цепи. Длинные с проседью черные волосы, окладистая борода и цепкий, умный взгляд, мельком зацепившийся за происходящее на пристани, дополняли портрет грека. А то, что это был именно грек, Свирыня не сомневался, посмотрелся на них в Чернигове прошлым летом, куда ездил с сотником Андреем и Боривоем.

– Эж тебя, мил человек, занесло в сторону. Али кормщик твой хмельного меда перепил, али вина византийского? Вы ж до нас по реке Псёл поворот сотворили. А вам прямо по Днепру на Переяславль плыть потребно было.

– Та не, все мы правильно сделали. Вон, глянь, византийца везу, со служкой его. Нам за провоз до Курска уплачено. Ну, я и не против через посемесские земли пройти. Глядишь, барыш будет, а это в нашем купецком деле никак не лишнее.

– Ну, то ясно. А, что за гусь лапчатый?

– Я же говорю, священник ихний. А вон и служка евойный, – указал кивком купец.

В это время из каюты показался другой грек, отроком его назвать уже было нельзя, но все ж он был молод, растительность на лице лишь слегка пробивалась на щеках и бороде. Одежда явно соответствовала христианским канонам священника, но выглядела проще, чем у старшего монаха. В руках молодой служка нес небольшую резную шкатулку.

Словно признав, что речь сейчас идет о них, оба грека направились к говорившим. Они аккуратно обходили принаитованный к бортам с внутренней стороны груз и людей, отдыхающих на скамьях у весел, ожидающих, чем закончится разговор купца со стражей и какие будут дальнейшие указания хозяина.

– Здрав будь, воин, – обратился старший грек к десятнику. – Это по моей просьбе Драгунит завернул к пристани вашей. Увидав стены крепости, решил я повидать князя здешнего. Прошу, оповести его о желании моем встретиться с ним, для разговора приватного.

– Князь наш на Черниговском столе сидит. А хозяин здешний, боярин Гордей Вестимирович. Коль охота увидеться с ним, милости просим в Гордеево городище пройти.

Обернувшись, Свирыня, встретившись глазами с одним из ратников, молча мотнул подбородком в сторону крепости. Тот бегом метнулся в указанном направлении.

– Ты, купец, тоже будь гостем. Я думаю, боярыня наша захочет встретиться с тобой. Привечает она купцов и дела с ними ведет. Людей можешь на постоялом дворе разместить, проживание у нас недорого стоит.

– Охотно воспользуюсь приглашением. Гул, оставь двух ватажников, а с остальными можешь в город пройти, пусть Велет бочонок вина возьмет и отрез оксамита, ну, того, что для таких случаев приготовлен. Догонит меня. Только быстро.

– Не тревожься, хозяин. Будет сделано, – звероватый, внешне сильный корабельщик повысил голос. – Велет, поживее исполняй, слышал, что хозяин велел. Ну!

Вскоре у мостков осталась слегка покачивающаяся на волне, опустевшая ладья, да двое корабельщиков о чем-то разговаривали со стражником, оставленным Свирыней у причалов.

Проходя дорогой, ведущей в боярский терем, старший из греков примечал и высоту крепостных стен, и башни, обложенные рядами кирпича, сами ворота, а войдя в городок, был удивлен чистотой улиц и порядком в нем. Жизнь кипела на улицах городка, русичи занимались своими повседневными делами, почти не отвлекаясь на пришлых. Все окружающее священника никак не соответствовало его представлениям о северных варварах, которые, по его

мнению, должны были прозябать в грязи, одеваться в шкуры зверей и поклоняться темным божкам. Время, проведенное в плавании в обществе купца, он потратил в разговорах и расспросах о княжестве русов. Действительность удивляла его.

«Что может представлять собой местный боярин? Человек, создавший сие в глуши лесов, на краю границ с кочевниками, не может походить на варвара. Уж не опоздали ли мы в своей политике лет эдак на двадцать? Судя по всему, у русов началось строительство городов, окультуривание земель, а мы спохватываемся только тогда, когда стены их крепостей вырастают из частогокола небольших селений, когда воины научились сражаться в составе многотысячных дружин. А в самой столице государства русов оперился молодой полководец, способный выигрывать сражения у великой армии. Необходимо толкнуть пачинаков на поход по южным рубежам, сровнять с землей такие вот городки, как этот, обескровить их войско, захватить пленников. Иначе, если и дальше так будет продолжаться, когда-нибудь русы приведут свои дружины под стены Константинополя».

На крыльце терема подошедших встречал высокий, красивый осанистый воин в дорогах доспехах, с мечом на поясе.

– Сотник, приплывшие византийские чернецы просят о встрече с боярином. А это купец туровский, мыслю, к боярыне его надо провесть, – доложил Свирыня.

– Добро, дружище, иди, неси службу дальше. Я сам с ними пройду. Доброго здоровья, уважаемые.

Прибывшие в земли кривичей греческие монахи поклонились сотнику.

– Следуйте за мной, провожу вас в светлицу. Боярин подойдет сейчас.

После позапрошлого буйства скандинавов светлицу отремонтировали, стены, не скупясь, отделали тканой материей небесно-голубого цвета, поломанную мебель заменили на новую. Плотники, приложив руки и мастерство, сотворили возвышенность у центральной стены, застелили ее коврами и установили резное кресло, по примеру княжеского стола. По бокам, впритык стенам были установлены лавки, обитые выделанной, крашеной кожей. На самих стенах висело со вкусом подобранное оружие и доспехи.

– Присаживайтесь, ожидайте, – предложил Андрей. Громко хлопнул в ладоши, на что из боковой дверцы молодая стройная девушка вынесла поднос, на тусклом серебре которого стояли две чаши немалых размеров.

– Угощайтесь, святые отцы, – словом и жестом снова предложил он.

От этих слов старший грек вздрогнул.

– Благодарствуем, как-то не имеем желания.

– Обидеть норовишь, чернец? – хищная улыбка тенью промелькнула по лицу Ищенко.

– Да что вы, и в мыслях не было!

– Тогда испей. Не бойся, не отравим, у нас нравы простые, если б хотел – я тебя просто бы зарезал. Ножом по горлу чик, и в колодец. Ха-ха-ха! Шучу.

Оба пришлых, открыв рот, во все глаза смотрели на веселого русича.

– Однако!

– А что вы хотели? Еще неизвестно, с чем вы на Русь пожаловали, – Андрюха, словно приятелям, по-дружески подмигнул. – Что? Велено пошпионить, небось?

– Сын мой, да...

– Андрей, иди делом займись. Нечего тебе здесь жеребьячье племя пугать. А вот Славку и Михаила пришли сюда. Оба мне нужны.

– Понял, командир.

При виде вошедшего славянского феодала чернецы поднялись на ноги, поклонились.

Перед взорами византийцев предстал варяг, одетый в легкую холщовую одежду и мягкие высокие сапоги, в голенища которых были заправлены шаровары. Светлый, длинный клоч

волос, спускавшийся с макушки головы, был заброшен за левое ухо. Умные голубые глаза обещали взглядом обоих пришлых.

– Присаживайтесь, уважаемые.

Сам варяг неторопливо проследовал к креслу, уселся в него.

Прежде чем сесть, старший чернец вновь поклонился боярину:

– Здравствовать тебе и семье твоей многие лета, боярин!

– Тебе тоже не хворать, добрый человек. Что привело тебя к нам? Зачем искал встречи со мной?

– Русь и империя Византийская всегда были добрыми соседями, и святые отцы в Константинополе скорбят о том, что люди, населяющие земли княжества русского, вот уже много веков не приобщены к вере истинной. Родятся в грехе, живут в нем и умирают, не зная о рае небесном, в ад попадая. Мы, монахи монастырей христианских, посланы к вам патриархом, дабы нести слово Божье, помочь вступить в лоно церкви, замолить грехи, поколениями свершенные.

Открывшаяся дверь впустила двух молодых воинов, один из которых был коротко стрижен, на голове другого раскинулась грива густых рыжих волос.

– Звал, батька? – спросил один из витязей.

– Да, звал. Слава, подходи сюда, становись рядом. А ты, Мишаня, сходи за Людмилой, нужда мне в ней есть. С ней сам сюда придешь. Поторопись, чувствую, разговор у нас со святым отцом долгим будет.

– Понял. Сейчас придем.

Между тем, рыжий юноша проследовал к помосту, молча встал за левым плечом боярина.

– Как звать-то тебя, чернец?

– Я монах Иоанн, со мной вот послушник Петр. Богу нашему Иисусу Христу молимся денно и ночью, о том, чтоб ниспослал он на землю благодать великую, помог славянским племенам избрать веру новую для них, веру праведную...

– Стоп, стоп, это я уже понял. Ты расскажи мне, что в вашей империи происходит. Как здоровье императора? Не беспокоят ли границы ваши армии восточных царей? До нашего медвежьего угла вести доходят с большим опозданием.

Не успел разговор начаться, когда в светлицу вошел Мишка с молодой женщиной в широком сарафане, ее живот указывал на то, что не за горами то время, когда на свет появится младенец. Молодой воин по кивку боярина поставил рядом с его креслом обшитый плотной тканью столец и, подав руку, усадил на него женщину.

– В империи, слава богу, все в порядке, правит нами сейчас мудрый базилевс. Несмотря на свою молодость, Иоанн Цимисхий уже проявил себя умелым полководцем, ведя войны в Малой Азии. Что касается его здоровья, то он здоров. Границы наши тверды, как никогда. А помыслы императора направлены на север, он может оказать своему брату Святославу любую помощь в делах его ратных и поместных.

– А нужна ли Святославу помощь базилевса?

– От протянутой Византией длани помощи еще никто не отказывался, тем более империя ничего не требует взамен.

– Странно слышать мне речи твои, монах. Византийская империя неоднократно использовала в своих целях кочевников, живущих в степях Причерноморья, соседствующих с Херсонесской фемой. Руководитель внешней разведки империи – ваш великий логофет – недаром ест свой хлеб. При его непосредственном участии чиновники министерства не раз толкали печенегов на войну с Русью, тем самым удерживая дружины князя от дальних походов. А когда Русь не воюет, печенегов ведь можно направить и на Дунай к болгарам. Ведь так?

– О чем ты, боярин?

– Да все о том же, о протянутой длани базилевса. Самих печенегов можно держать арканом конных тысяч хазарского хакана. Надо всего лишь проплатить войну. Если хазары отобьются от рук – на них можно натравить гузов и аланов. Нехай колбасят друг дружку. А в это время базилевс будет созерцать происходящее со стороны, лишь изредка подергивая нужные ему нити у марионеток. Хороша безвозмездная помощь. Ха-ха-ха! Вот и ты, монах, и сотни таких, как ты, узрев, что пахнет жареным, пришли на Русь. Ну, скажи, в чем я не прав?

Брови монаха сошлись у переносицы, черные глаза смотрели твердым взглядом в глаза Монзырева, в них отражалась противоречивость чувств и мыслей византийца.

– Откуда столько познаний у деревенского боярина? Откуда ты взялся такой умный на землях пограничных, – вырвались вопросы у чернеца. – Я вижу, боярин, с тобой не надо юлить и изворачиваться, можно сразу говорить о деле. Предложить тебе неплохо заработать и подняться вверх по лестнице бытия.

– Ну и какие будут предложения у скромного монаха христианской конфессии?

К уху Монзырева приник Слава, зашептал:

– Батя, монах-то приверженец мистического течения в христианстве. Исихазм называется. Таких, как он, широко используют в шпионаже на чужой территории, они совершают подкуп, устраняют неугодных. К тому же я чувствую, что он обладает личиной, сродни чародею. Когда ты с ним говорил о политике, он мыслил о том, что с тобой делать, замочить тебя или подкупить. Склонился к подкупу.

Монзырев кивнул. Информация принята.

– Ну, так что мы имеем?

Монах пристально взгляделся в Славку.

– Не знаю, о чем тебе поведал столь юный советник, но все же хочу обратить твоё внимание на события в великом княжестве. В середине прошлого лета умерла архонтесса русов – Ольга. Вся внутренняя политика государства была завязана на ней. Святослав – воин. Он не любит заниматься рутинной налоговой, пошлин и даней. Ему претит мирная жизнь. О прошлом годе он вел войну с болгарским царем Петром. Вот его удел. Через месяц-два он снова двинет дружины в болгарское царство. Что с того, что он наделил княжеской властью своих сыновей. Они слишком юны для княжеских дел.

Теперь Людмила зашептала пояснение речей византийца:

– Все трое получили столы в княжение. Ярополк – Киев, Олег – Дrevлянскую землю, Владимир – Новгород.

Словно услышав ее, грек подтвердил:

– Да, незаконнорожденный сын рабыни, как вы называете робичич, Владимир, тоже сел на княжий стол. Настает время больших возможностей для таких, как ты, боярин.

– Объяснись?

– Скажем так, в Константинополе были бы не против, если бы на юге Руси вдруг возникло новое княжество, возглавляемое умным человеком. Деньгами ему помогут. Ну, а на текущий момент Святослав собирает дружины под свою руку, кое у кого есть заинтересованность в том, чтобы из княжества Черниговского русы не представили князю Киевскому ни одного воина. Оправдаться можем, скажем, ожидаемым печенежским набегом.

Иоанн обратился к послушнику:

– Петр, отдай боярину наше подношение.

Молодой послушник, подойдя к помосту, опустил перед Монзырев шкатулку, откинув с нее крышку. В шкатулке поблескивали золотом кругляши монет.

– Прими, боярин, сии деньги, чтоб не быть голословным перед тобой.

– Небось, в Курск-то вез, монах, – криво усмехнулся боярин. – Как теперь с наместником курским разговаривать будешь?

– Ему тоже найдется что сказать.

– Стало быть, при моем желании базилевс наденет мне на голову княжескую шапку?

– И с превеликим удовольствием. Мы навели справки о тебе, боярин. Ты умный, хитрый, изворотливый политик. Приняв под свою руку обнищавшие земли, всего лишь за три года умудрился обогатить их. Чернь тянется к тебе. Ты отладил систему оповещения о появлении у границ твоих врагов, содержишь большую, по местным меркам, дружину, воины, которой ничем не уступают княжеским гридням. В Киевском княжестве не все довольны политикой Святослава, возьми хоть князя Черниговского, имея такой же статус, как у Святослава, он всегда находится на вторых ролях. В случае согласия часть боярства примкнет к тебе, примет твое главенство как должное. Мы об этом позаботимся, поверь, у Византии есть друзья на Руси. Вместе с помощью просим не препятствовать нашим священникам, чтобы могли воздвигнуть храмы в твоих землях, и пусть варвары беспрепятственно смогут посещать их.

– Хм! А скажи, чернец, сможешь ли ты повлиять на пару родов печенегов, кочующих неподалеку от моих владений?

У монаха Иоанна сложилось впечатление, что разговор, начатый им на свой страх и риск в данном ключе, на чужом поле, им выигран. Варвар пошел на контакт, не возмущается, не противоречит сказанному, практически согласен на все требования. Информация, собранная о местном феодале, оказалась правдивой. Ко всему прочему он еще и жаден. С такими людьми монах работать любил.

– Да, конечно, я думаю, мы уладим все вопросы с починакскими старейшинами и князьями. А что ты хотел от них?

– Понимаешь, давно у меня зрел план пройти с дружиной через земли кочевников. Навестить полуостров Таврику, прошвырнуться огнем и мечом по городам Феодосии и Херсонесу, да заодно и по малым городкам греческой фемы. Если обеспечишь мне проход, поделюсь добычей, в накладе не останешься. Ну как, по рукам?

Оторопело глядя на варвара, монах воскликнул:

– Да, в своем ли ты уме, боярин? Что ты мне предлагаешь?

– А что только что предложил мне ты?

– Петр! Боярин твой! – вскакивая на ноги, вскричал монах.

В руках юного послушника вдруг откуда-то появились два метательных ножа. Резкий взмах ими, и сам послушник валится всем телом вперед, не успев применить оружие. Из спины его торчит арбалетный болт, выпущенный кем-то из потайного оконца, почти незаметного на фоне стены.

– А-а-а! – взревел Иоанн. Он выставил руки вперед, по напряженному лицу и вискам заструился ручейками пот. С кончиков пальцев сорвался сгусток голубовато-красной энергии, метнулся шаром в сторону боярского кресла. Монзырев не успел бы ничего предпринять. Только Людмила, словно защищаясь, выставила ладонь навстречу летящему сгустку смерти и как бы смахнула его. Тот, изменив направление, выбив слюду из рамы окна, вылетел на улицу, а уж там грохнул взрывом, напомиравшим разрыв гранаты.

Поняв, что проиграл, монах переиначил свои помыслы, изменил положение тела. Его дыхание стало ускоряться, глаза закатились, сознание в них померкло, тело дернулось в конвульсии. Своим сознанием он растворился в океане сущего, ощущая только течение Вечности. Оторопевшие от происходящего присутствующие в светлице заметили, как тело чернеца стало подвергаться трансформации, становиться все более прозрачным. За какое-то мгновение через него уже можно было увидеть предметы, находящиеся за его спиной, еще мгновение и он исчез вовсе.

– Боярин, не ходи на Дунай. Погибнешь сам и людей своих погубишь! – раздался из небытия голос монаха.

– Интересно девки пляшут, – потер пятерней подбородок Монзырев. – Как это он, а?

– Трансформировался, – молвил Славка, – я ж говорю, чародей.

– Андрюха! Ну, где ты там?

– Да иду уже, командир.

Из-за дверцы, ведущей в боковушку, показался Андрей с арбалетом в руках.

– Надо было чернявого еще раньше валить. А все ты, командир, успеем, успеем. Вот и успели. Скользким гнида оказался.

– Ничего. Что-то мне подсказывает, что мы с ним еще встретимся, – хищно ощерил зубы Монзырев. – Мишка, срочно собирай всю старшину на совещание и прикажи, пусть эту пададь, – он кивнул на труп послушника, – вынесут и скормят рыбам. В землю не вздумайте зарывать, не хватало нам тут под боком упыря завести. Такие прыткие даже после смерти нагадить могут.

– Сейчас распоряжусь. А с купцом-то что делать?

– Купец пусть на постоялом дворе отдыхает. А вот имущество, находившееся при этих двух клоунах на судне, прикажи страже изъять. Посмотрим, может, что интересного найдем.

– Ага.

Монзырев подошел ко все еще сидевшей на стульчике Людмиле, не пришедшей в себя после случившихся событий в светлице. Погладил ладонью ее голову, заставив встрепенуться от размышлений.

– Ну, как ты, Мила? Ты хоть поняла, что смогла сделать с огненным шаром колдуна?

– Анатолий Николаевич, я только хотела закрыться от опасности, в голове никаких мыслей и не было вовсе.

– А между тем, походя, смахнула смертельный огонь в форточку. Кстати, Слава, иди, проверь, не пострадал ли кто-нибудь из дворни, – он снова переключил внимание на молодую женщину. – Так все ж как смогла?

– Не знаю. Вестимира бы спросить, если б он жив был.

– Да, жаль нет больше с нами старика!

Нелегко дались прошедшие годы всему населению Гордеева городка. Только утратив Вестимира, Монзырев да и остальные ребята, попавшие в прошлое, поняли, сколь дорог всем был мудрый волхв, в груди которого билось храброе сердце. Его энергия заряжала родичей, ум способен был дать добрый совет, сам он протягивал руку помощи любому нуждающемуся в ней. Теперь его нет. Смело пройдя земною дорогой, он так же решительно ступил на Калинов мост, уйдя по нему за кромку к давно ушедшим предкам. Видавший в этой жизни много очевидного и невероятного, Монзырев верил, что Вестимир, как считали славяне, пройдя по Звездному Мосту, попал в Обитель Светлых Богов и праведных душ – Ирий. С его уходом сам Монзырев лишился советника и первого помощника, незримо прикрывавшего спину в жизненных коллизиях реальной действительности людских отношений десятого века.

– Так что, Людмила, теперь только бабка Павлина сможет объяснить нам, как и что здесь произошло. А то ведь как в присказке получится, тихо шифером шурша, крыша едет не спеша. А нам всем сейчас нужны светлый ум и трезвая голова.

В светлицу, громко топая, вошли людины, возглавляемые Боривоем.

– Мы тут убраться пришли, батюшка боярин, – обратился к Монзыреву Боривой, кивнув на распростертое тело молодого византийца.

– Боря, разденьте его и нагого в реку сбросьте, глядишь, к берегу пристанет где-нибудь, так пусть никто не сможет определить рода-племени утопленника. И болт арбалетный выньте, чай, имущество войсковое, еще сгодится.

– Зробим, батюшка. Не сомневайся, – обернувшись к родовичам, скомандовал: – Чего застыли дубами? Хватай его за руки и ноги. Понесли.

– Анатолий Николаевич, – снова обратилась к Монзыреву Людмила, глядя, как тело убитого выносят из светлицы. – Вы заметили, как после стольких событий, связанных с набе-

гами и войной, мы все привыкли к смертям, к виду крови и трупов. Даже дети спокойно воспринимают все это.

– Век такой безжалостный, беспощадный. Если мы будем к врагам своим жалость проявлять, погибнем или в рабство угодим. Вон, у Андрея спроси, как там в рабстве быть. Так что нам этого допускать нельзя, и так уже многих потеряли.

– Да-да, с этим я согласна.

– Ну, а коли согласна, иди к себе, приляг, отдохни маленько, тебе сейчас перенапрягаться не рекомендовано.

Монзырев подал ей руку, проводив до двери. Потянувшись, расправил плечи, приводя мышцы в рабочее состояние после долгого сидения в кресле, заглянул в шкатулку, где все так же поблескивали кругляки византийского золота, подумал: «Надо бы в Курск и Чернигов нарочного с письмами отослать, ведь не один же Иоанн в этом деле замешан. Наверняка другие тоже найдутся, кто золотом за предательство платить готов».

Между тем в дверь просунулась хитрая лысая Сашкина морда, обозрев светлицу, он остановил взгляд на Монзыреве.

– Можно, командир?

– Можно Машку под забором. Дисциплину забыл, старлей? Входи. Где тебя носит, начальник разведки? Тут такие события развиваются.

– Да я уж знаю. Андрюху видел и Боря с мужиками трупешник к реке потащили, рыбок кормить. Что, братья греки предлагают халявную американскую помощь?

– Предлагают. А мне ни много, ни мало предлагают встать во главе нового княжества. Хотят по-взрослому сорвать Святославу поход на Византию. Прочухали уже, к чему дело идет. Боятся. И самое главное, эта византийская крыса намекнула, что в среде бояр черниговских добрая половина работает на их разведку.

– А я и не удивлен. У нас все события по кругу идут, в стране ничего не меняется. Вспомни, в семнадцатом году Ильича в запломбированном вагоне через границу в Россию перебросили, так потом вся страна сколь лет кровью харкала. А в девяностых к власти пришли губошлеп с рыжим, и что? Население срочно стало на кладбища переселяться, с голодухи-то, гэбэшное ведомство америкосам слили, армия в жопе оказалась, СССР на мелкие княжества развалилось, агенты влияния, как гадюки, вползли в правительства и парламенты. Лепота, делай что хочешь и плюй на всех. С тех пор и по сей день Россия ведь оклематься так и не может.

Светлица стала наполняться оповещенной о совещании старшиной, рассаживающейся на лавках у стен. Вошедшая боярыня Галина приветственно кивнула присутствующим, на что те, встав, склонились в поклоне, проследовала к возвышению, уселась рядом с Монзыревым на столец. Последним прибыл воевода Улеб Гунарович, заняв почетное место неподалеку от боярина.

Окинув взглядом собравшихся, Монзырев констатировал:

– Все в сборе. Собрал я вас, здесь присутствующих, чтоб сообщить, что пришло время слезать нам с теплой печи, напяливать кольчуги, брать в руки оружие. Сегодня прозвенел первый звонок, оповестивший о том, что мирная жизнь для дружины в этом году закончилась.

Услышав сказанное, высокое собрание зашумело. Монзыреву пришлось поднять руку, тем самым успокоив народ.

– Никак вести о печенгах получил, херсир? – поднявшись на ноги, задал вопрос воевода.

– Да, нет, Гунарович. Все гораздо серьезнее. На дворе весна девятьсот семидесятого года. Наш великий князь, Святослав, собирает под свою руку полки и вскоре двинет их на Дунай. Его цель – Болгария, за ней Византия. Сотни лет империя греков травила Русь печенежскими ордами, хазарами и венграми. Негласно мешала развитию княжества, а попытки насильственно насадить христианскую веру не прекратились и по сей день. Шпионы шныряют по государству,

как по собственной избе, блеск золота мутит рассудок иных бояр и князьков, готовых в нужный момент закрыть глаза, не видя происходящего, увести свои дружины с поля брани, пойти на стовор с противником. В прошлом году мы прикрыли спину Святославу от печенежского набега, в этом наша разведка доложила, что набега на Русь не ожидается. Так ли это, сотник? – Монзырев посмотрел на Горбыля.

Тот поднялся с лавки.

– Это правда. Цопон оповестил, что после прошлого набега их племя не восстановилось. Молодых воинов мы повыбивали. В степи идет захват пастбищ другими племенами. Им впору самим искать помощи, чтобы удержаться и выжить.

– Ему можно верить?

– Да. Старик пытается не допустить гибели родов.

– Хорошо! Тогда остается вопрос, не нападут ли другие племена печенегов? Ведь покойный Кулпей был не единственным великим князем в степи.

– По нашим данным, полученным из различных источников, печенежские князья отправятся в поход вместе с дружиной Святослава. Предстоит большая война, а значит, на горизонте маячит большая пожива. Там где пожива – там и печенеги.

– Согласен. Воевода, теперь вопрос к тебе. Насколько готова дружина к дальнему походу?

Улеб поднялся с места, пристально глянул на боярина.

– Да ведь ты и сам все ведаешь, херсир. Или хочешь еще раз услышать от меня, чего стоит твоя дружина? Тогда слушай. Три сотни конного воинства, во главе сотники, Андрий, Ратмир, Мстислав. Вороп Горбыля – это еще одна сотня. У Рагнара Рыжего под дланью два дракара и кнарр, а это сто шестьдесят хирдманов. Да мы с тобой, вот и весь расчет. Вои к походу и бою готовы. Воинским припасом ведает Боривой, под его началом четыре десятка людей имеются, готовых, если нужно, обнажить мечи.

– Вот отсюда и плясать будем. Андрей и Ратмир, готовьте своих бойцов к походу, три дня вам на сборы. Сашка, половиною твой вороп, кого со мной старшим над твоими головорезами пошлешь?

– Так, а я не гоюсь, что ли? Командир, побойся бога!

– Я его и так боюсь, но для тебя задача отдельная стоять будет.

– Опять?

– Ты мне попререкайся еще! Так кто в полусотники пойдет?

– Олекса, кто ж еще.

– Пришлешь его ко мне и сам проследишь за подготовкой ворапа.

– Понял.

– Рыжий, готовь суда, один дракар и один кнарр с тобой на запад поплывут, второй дракар на восток к Рыбному, в помощь Горбылю.

– Ё-о! – вырвалось у Сашки. – Опять!

Словно и не заметив, Монзырев продолжал:

– Мстислав, твоя сотня остается на базе, охраняешь городок, обеспечиваешь порядок на подконтрольных землях. Гражданская администрация будет в руках у боярыни Галины, все, что касается службы – в твоих. Уяснил?

– Батька, возьми с собой!

– Нет. У тебя жена вот-вот родит. А мне здесь нужен крепкий тыл, чтоб не повторилось то, что случилось в позапрошлом году.

– Вон, у Ратмира жинка тож на сносях, а его берешь?!

– Приказы не обсуждаются. Я так решил, на твой век еще войн хватит. Теперь так, через три дня дружина уходит со мной и воеводой. Идем сначала в Чернигов, потом догоняем воинство Святослава. Через седмицу корабли Рыжего выдвигаются к Днепру. У слияния двух рек, на границе земель берендеев, ожидают нас. Рагнар, понял ли меня?

– Да, херсир.

– Хорошо. Горбыль, с остатей воропа и сотней, собранной из партизан наших селищ, в самом начале лета, еще до русальной недели, выдвигаешься к Рыбному, туда же приплывет и дракар с пехотой. Рагнар, назначь на судно старшего. Смотри, за его действия головой ответишь!

– Сделаю, батька, коли надо, и отвечу.

– Не сомневаюсь. Сашка, – Монзырев взглянул на расстроенного Горбыля, – посылаю тебя туда, чтоб наверняка знать, что спина моя прикрыта. Задача тебе – разведка и диверсии, если таковые потребуются.

– Есть.

– В случае чего шли гонца в Курск. Оповещай округу, призови северян, действуй через волхва Святогора, он большой вес у племенной старшины имеет.

– Понял.

– Вам, старшина моя гражданская, – обратился он к своим бригадирам, – дел хватит тоже. Во-первых, боярыню слушать. Землю пахать да хлеб растить. Нелегко вам придется, ведь в строю у вас, почитай, бабы да детишки остаются. Галина, тут нам греческий священник денгжат подкинул. Найми на работу людей из других племен, стены кирпичом обложить надобно. Денег не жалея.

– Не волнуйся, любый, все осилим.

– Вот, кажется, и все, что хотел вам поведать. У некоторых осталось мало времени на все про все, так что идите и работайте.

Старшина поднялась с мест, обсуждая услышанное, потянулась на выход из светлицы.

– Толя, зачем мы в войну втягиваемся? – тихо задала вопрос Галка. – Ведь многие могут с нее не вернуться.

– Так надо, любимая. Во-первых, мы создали поселение воинов, и война наш хлеб. Во – вторых, если мы не пойдем туда, война может прийти к нашим порогам. Византия, поверь мне, сильна, а нынешний базилевс еще тот фрукт. Натравит на нас кочевников, а это новый набег. Ну, и в-третьих, подспудно хочу дать шанс Святославу выжить. В известной истории, Людмила рассказывала, он должен погибнуть от рук печенегов.

– Тебе лучше знать, что делать.

– Это так. Спасибо, что понимаешь меня. Что там с купцом туровским?

– Обычный купец. Для нас он интереса не представляет.

– Ну, так и отправь его восвояси.

– Я так и поступила. Завтра съедет.

– Вызови бабку Павлу с Ленкой. Людке скоро рожать, а мне к тому же с лешим повидаться надо. Пусть призовет.

– Сегодня же пошлю за ними повозку.

– Однако пора и пообедать.

– Так идем. А то ты все в делах погряз, аки пчела.

– Хорош прикалываться, я тебе не Ваня Грозный.

– Ха-ха!

В подготовке к походу одним мгновением пролетели три дня, и вот уже на утренней зорьке все население Гордеева городка высыпало за черту северных ворот, провожать дружину. Выстроенные в две шеренги всадники бросали взгляды на своих родных, стоящих напротив строя. По дороге друг за другом разместились двадцать повозок, запряженных по две лошади в каждую – тыловое хозяйство Боривоя. Во всех действиях воинства наблюдался порядок, все ждали боярина. Легкий топот копыт, и из открытых настежь ворот показалась небольшая кавалькада, проскочившая к центру построения. Монзырев остановил лошадь. Следовавшие

за боярином Горбыль, Галина и Мишка осадили своих коней. С правого фланга дружины, навстречу боярину подъехал воевода Улеб, в тишине строя раздался его громогласный голос:

– Херсир, дружина для марша построена, в строю полсотни воропа, две сотни бронных воев, сорок один боец тылового обеспечения. Среди людей больных нет, заводных лошадей согласно твоему приказу в поход не брали, – доложил он.

– Вольно!

В крепости давно привыкли к новым порядкам докладов и построений, введенных боярином и сотниками Андреем и Горбылем. Такие ритуалы нравились особенно гражданскому населению городка. Необычная манера строевых отношений теперь могла смутить своей необычностью человека, недавно попавшего в крепость, но не старожил.

Монзырев обратился к воинству:

– Бойцы! Впереди поход, нелегкое бремя войны, но я знаю, что вы готовы к его тяготам и невзгодам. Я не знаю, когда мы вернемся к родным очагам, знаю, что это будет не скоро. Мы уходим в чужие земли не ради наживы и грабежа, а для того, чтобы война не пришла к порогам вашим и ваших родовичей. Сейчас там, на далеких дунайских берегах, будет решаться вопрос, последуют ли и далее набеги кочевников на земли русские. Мы с вами обязаны поддержать крепость исконно славянских богов, коим поклонялись еще наши диды. Мы – воины, защитники державы нашей.

Боярин обернулся к остающимся родичам.

– Сейчас можете подойти и проститься со своими близкими!

Толпа хлынула к строю, женщины и дети обнимали дорогих для себя людей, уходивших надолго, быть может, навсегда. Слез и причитаний не было, не принято это у славян, заранее оплакивать воинов.

– Толя, прошу тебя, будь осторожен, помни, что мы с Олюшкой ждем тебя и любим, – напутствовала Галка мужа, по-нормальному они простились еще в тереме, нечего было смущать людей.

У стремени Монзырева собрались почти все попавшие с ним из будущего в этот беспокойный век. Подошедшая бабка Павла, встретившись с ним глазами, улыбнулась ему.

– Ты не волнуйся, боярин, воюй спокойно. Я уж как-нибудь постараюсь отвести беды.

– Спасибо на добром слове.

Сашка протиснулся между провожающими к Андрею, потрепал его по плечам.

– Что, Андрюха, опять воевать на разных фронтах придется? Ты на запад, я на восток.

– Ничего, друг, мы еще встретимся и разопьем с тобой боевые сто грамм.

– Николаича и ребят береги.

– А то сам не догадался.

Андрея кто-то потянул за рукав, обернувшись, он увидел смущающуюся Ленку.

– О-о, Кнопка! Никак вспомнила своего кавалера?

Ученицу ведуньи уже с большим натягом можно было назвать «кнопкой», вытянувшаяся, повзрослевшая девушка расцвела, похорошела. Можно было смело сказать, что перед Андрюхой стояла красавица.

– Андрюшенька, я вот тебе оберег сотворила, – она набросила ему на шею шнурок с подобием ладанки. – Это науз, он будет хранить тебя от хворей и нечисти. Запомни, мы ждем вас всех домой живыми.

Сашка шутя, бережно приобнял Ленку, подмигнул Андрею.

– Да, Андрюха, мы тебя будем ждать.

– По ко-оням! – прозвучала команда из уст воеводы. Все воинство пришло в движение, родовичи отхлынули от его рядов. – Вороп, выдвинуться в передовой дозор, расстояние от остальных подразделений – в полверсты.

– Вороп, ма-арш! – отдал приказ разведчикам Олесь, начальник разведки монзыревской дружины.

С места в галоп разведка помчалась по намеченному летнику.

– Сотни, левое плечо вперед, марш-марш! – снова скомандовал старый варяг.

Подразделения выдвинулись за воропом, следом потянулись повозки. Вскоре провожающие, машущие руками хвосту дружинной колонны, слыша отголоски звуков, издаваемых колесам повозок, потеряли из видимости дружину, растворившуюся в хвойной зелени леса. Словно сразу осиротевшие, кривичи потянулись к проему ворот, предстояло жить надеждами и ожиданиями.

2

Тучи плотной пеленой закрыли синеву неба так кучно, что лучи солнца совсем перестали проглядывать из редких промежутков в них. Порыв прохладного ветра принес с собой влажную морось, а вскоре по крышам домов забарабанили капли дождя, монотонно отбивая ритм. Так часто бывает весной на южных окраинах Руси, в северных районах еще не растаял снег в лесах, хотя реки уже вскрылись, и синева высокого неба испускает дыхание холода, а юг чередует дни, отмечая их, то дождем, то ярким солнцем и теплом. В такие дни селяне обычно не выходят из домов, готовясь к более теплым денькам, чинят нехитрую упряжь, сети для рыбной ловли, чистят в хлеву у скотины или наводят порядок в погребах. Даже главные ворота селища в такие дни боярская стража без большой нужды не открывает, наблюдая за подходами к веси из-под навесов крыш, вышек, стоящих у ворот с внутренней стороны ограждения. Если сегодня зарядил дождь, значит, и ночь будет холодной и сырой. Не повезло стражникам, даже кутаясь в овчинный тулуп, можно промерзнуть до костей при таком ветре и сырости, поневоле позавидуешь смердам из близлежащих деревень. Живут себе, не тужат под крылом у боярина, а придут печенег, даже если заглянут в северянские земли, попрячутся в лесах, переждут набег. Дружина у боярина Военга, конечно, не велика, всего два десятка и еще семеро воев будет, так у других и такой нет. Старейшины уводят в лес поселян, там собирается ватага из десятка селищ и уже из лесных ветвей угощают стрелами поганых да нападают на их станы. Быть в боярской дружине все-таки лучше, сытнее, опять же, выезжая с боярином по зиме на полюдь, по его деревням, можно тоже поживиться кое-чем. Нет, просто смердом, пашущим землю, пасущим скот, он, Тужир, быть не хочет.

От мысли о черной работе стражник даже поежился, не привык к ней. Вгляделся в серую дождевую пелену. Селище будто вымерло, даже собаки попрятались в своих конурах, глупые куры и те не ходят во дворах. Рядом зашевелился напарник, одетый в такой же тулуп. Привалившись к столбу, стоя спал, делая вид, что пристально вглядывается за внешнюю сторону частокола. Под тулупом совсем не грела кольчуга, да и железный шлем своей тяжестью давил на голову через подшлемник. Сама усталость от стояния на ветру подсказывала Тужиру, что скоро уже придет смена. А сменившись, уйдут по дождю, прямо по грязевой хляби, в теплое помещение войсковой избы.

Тужир бросил взгляд за частокол, заметив, как прямо по дороге, ведущей к веси, не обходя лужи, словно не замечая их, бредет человек, одетый в черную одежду. Молодой он или старый, разглядеть не удавалось, хотя зрением стражника боги не обидели. На голове человека был напялен капюшон, из-под которого можно было разглядеть лишь седину в длинной бороде. Тужир толкнул в плечо напарника, того аж качнуло спросонья и от неожиданности.

– Глянь, Ротан, – указал он на человека, который подошел уже почти вплотную к воротам. – Хтой-то пожаловал к нам.

– А-а? – начиная приходить в себя, Ротан ухватил круглый щит одной рукой, другой же взялся за стоящее сбоку копьё. Наклонился сверху к воротам, дождевые капли тут же звонко стали долбить по железу островерхого шлема. – Ты кто такой, человеке? За какой надобностью пришел до нас?

Не снимая капюшона и лишь чуть сдвинув его назад, пришлый поднял кверху голову, разглядел высунувшуюся голову наклонившегося над частоколом стражника.

– Здесь ли ныне боярин Военг обретается или выехал куда, по делам своим боярским?

– Здеся он. И какое дело у тебя к нему?

Будто и не замечая тяжелых капель, падающих и стекающих с лица и одежды, пришлый смиренно, не возмущаясь и не тяготясь разговором со стражем, проникновенным голосом молвил:

– Передай боярину, что знакомец его давний, монах византийский Иоанн, пришел в его вотчину, видеть и говорить с ним желает.

– Ага. Византиец, значит. Передам сейчас, жди.

Голова стражника спряталась за частокол. Дождевые капли, словно по желобу, скатились со шлема за шиворот Ротана.

– Бр-р, ну и погода. Слышал, Тужир, византиец это. Все беды от них, от византийцев. Помню, весен пятнадцать тому, я с прежним боярином нашим, еще будучи молодым воем, на византийцев в поход ходил. Нас тогда князь Игорь Старой водил.

– Так и что делать?

– А что? Хорошо сходили, только боярин назад не воротился. Там от хвори и помер. Вот с тех пор энтог, Военег который, у нас боярствует. Он тоже в том походе был. Да...

– Ротан, я спрашиваю, что? Боярину сообщить потребно о том, что под воротами чернец дожидается.

– А-а, ну да. Иди, сходи. Оповести боярина. А може смену дождемся, все одно в детинец по грязи идтить придется?

– А чернец?

– А хай стоит там, мокнет. Не все ж нам одним кости на такой хляби выстуживать.

– Не-е! Так не пойдет, пойду, скажу. Вдруг боярин осерчает.

– Ну-ну. Иди. Ты у нас воин молодой, вот и иди.

Боярин Военег, поместный глава северян, был мужчина от роду сорока годов, костистый, худой, с лицом цвета пергамента, с поседевшей бородкой, остроносый, с глазами-буравчиками. Скаредный, хитрый. Троих жён пережил, ни от одной из них детей так и не нажил.

Услыхав имя пришедшего к воротам веси монаха, пинками вытолкнул насквозь мокрого Тужира за дверь.

– Ворота открыть немедленно, бездельники. Гостя с почтением проводишь ко мне. Уж я вас научу, как службу нести полагается, уж попомнишь у меня, медведь безлядвий.

Быстро удаляясь в сторону ворот, Тужир еще долго слышал рассерженный голос боярина, на ходу подметил всполошившуюся прислугу, поднятую, словно по тревоге.

«Кто ж это к нам пожаловал? Словно отца родного встречать готовится. Обычно снега зимой не выпросишь у нашего скопидама, а тут нате вам, к встрече готовится».

Сама встреча боярина с византийцем на Тужира тоже произвела впечатление. Прежде, чем за монахом закрылась дверь теремной влазни, еще на крыльце, он увидел, как родовой боярин униженно-почтительно приветствует монаха, привечая его, как старшего в роду.

«Тьфу! Было бы куда уйти, ушел и не оглянулся. Вон, соседям кривичам с боярином повезло. По слухам, богатеют не по дням, по часам. Вместо сельской веси за два лета город возвел, поганых изничтожил. Гулянья, свадьбы, праздники веселье, подарки опять же. Говорят, на полюдь не ездит – из деревень к нему сами все везут. Старейшин селищ к себе в гости зазывает, привечает. Вои, как гридни, у князя разодеты, гривнами одарены, а наш-то сморчок все под себя, все ему мало. Уйдет за Калинов мост, некому и добро оставить-то будет. Эх! А ведь одно из племен северянских к кривичам подалось. Люди бают, у боярина Гордея никаких различий, кривич ты или северянин, только живи да пользу родам приноси».

Задумавшись, Тужир споткнулся, приземлился в лужу на четыре кости, выпачкал грязью при этом лицо, окончательно испортив себе настроение.

В это время в избе боярин потчевал монаха разносолами, рассказывая о своей нелегкой жизни в лесной глуши, сетуя на неповоротливость, отсталость, лень и хитрость людей русских.

– От холопов никакого прибытку нет, а еще князю, по зимнему полюдью приходящему, все самое лучшее отдай, с чем сам остаюсь. Соседи на угодьи мои глаз положили, того и гляди, оттяпают кус пожирнее. А у меня дружина мала и трех десятков не наберется. А ведь и тех поить-кормить потребно. Опять же, боярин по соседству, кривического корню, появился.

Откель только взялся? О позапрошлом годе от печенегов деревеньку мою уберег. Теперь житъя не стало, смерды ленивые в его сторону глядеть стали. Видишь ли, хозяином пограничья прозвали. Чуть что, теперь не ко мне, к нему за советом да помощью бегают. Того и гляди из-под руки уйдут. А мне что делать?

– На все воля Божья! – глубокомысленно изрек монах. – Все мы в руке его.

– Батюшка Иоанн, помоги. Помоги, как тогда в молодые годы со старым боярином помог. Я в долгу не останусь.

– Долг-то чем отдавать будешь? Вон, своим истуканам поклоняешься. Много они тебе помогли? Веру истинную принять не желаешь.

– Так ведь я завсегда готов. Только ты уйдешь, а я с этими людьми здесь останусь. Они ведь Белого Бога не примут.

– Не все сразу, сын мой, не все сразу. Есть ли среди твоих воев надежные люди, готовые сделать все, что им прикажут?

– Ну...

– Услуги будут хорошо оплачены.

– За плату найдутся. А что делать-то надо?

Пропустив мимо ушей вопрос боярина, монах, размышляя, задал свой:

– Так, говоришь, что твои холопы за помощью к кривическому боярину повадились бегать?

– Да. Я за такое, подумываю, как наказать и отвадить их.

– А ты, сын мой, не думай. Я за тебя подумаю. Лучше пришли-ка сюда двух холопов своих, кои за деньги любой приказ выполнить горазды.

Боярин подошел к двери, открыв ее, крикнул:

– Жерава! Жерава, где ты там есть?

– Здеся я, батюшка боярин. Где ж мне быть.

– Зови сюда Трута и Умысла. Да, поживее поворачивайся, корова сисястая.

– Слухаюсь, батюшка, – раздалось из соседней комнаты.

Иоанн осмотрел двоих прибывших боярских воинов. Пристально, заглянув каждому в глаза, остался доволен выбором Военега.

– Мне необходимо, чтобы вы сделали для меня кое-какую работу. Обидел меня боярин, хозяин городка. В отместку хочу больно его наказать, но болью не телесной, а душевной. Возьметесь? Оплата по пять золотых на брата.

– Хлопотно с боярином ихним связываться. Вона, нурманы его восхотели, и где они теперь? Видели мы боярина того. С виду человек, как все, а присмотришься, опасностью от него веет, будто от хищного зверя. Кто не понимает этого, долго не живет. А нам пожить еще охота. Правда ж, Трут?

– Ага, твоя, правда.

Монах, прищурившись, посмотрел на Военега. Его взгляд говорил о многом. Тот пожал плечами, в мыслях соглашаясь со словами своих протезе.

– Хочу вам поведать, что боярина тамошнего уж седмицу как в городке нет. В Чернигов с дружиной он подался. Вернется явно не скоро, да и вернется ли.

Переглянувшись, наемники слегка расслабились.

– Так что ты от нас хочешь, добрый человек?

– Места здешние хорошо знаете?

– Так выросли здесь, как не знать.

– Есть неподалеку от Гордеева городка полянка приметная, на ней изба рубленая стоит, под сосной раскидистой. Живет в этой избе старуха, из ума выжившая, с отроковицей. Охраны никакой при этой ведьме нет. Лесными тропами пройдете, чтоб никто вас не узрел. И старую, и девку из луков застрелите стрелами печенежскими. Найдете таковые?

– Найдем. Знать, бабка Павла в чем-то тебе дорогу перешла.

– Не ваше дело, холопы. Вам за это звонкой монетой уплачено будет, – повысил голос боярин.

– Дык, а мы что? Ты, монах, гроши вперед плати, да укажи, когда дело сие зробишь. А уж дальше наше дело будет.

Монах, вытащив из-под широкой рясы небольших размеров кошель, бросил его на стол перед нанятыми им людьми. Умысл почти на лету подхватил кошелек, рассупонив тесьму, заглянул внутрь, продемонстрировав содержимое Трутю, затянув, тут же сунул за пояс. Улыбка промелькнула на лицах обоих наемников.

– Завтра с рассветом и двинетесь в путь. Большаком не ходите, по тропкам пробирайтесь. Я вас с вестями у вашего боярина ждать буду. Сроку вам на все про все – седмица, времени больше, чем надо.

Оставшись вдвоем с боярином, монах задумчиво смотрел на тусклое пламя масляного светильника, стоявшего на столе, заставленном различного рода закусками. Не решаясь беспокоить мысли византийца, Военег, притихнув, искоса наблюдал за гостем, не подозревая, какие мысли витают в голове у чернеца.

Меж тем монах анализировал ситуацию, произошедшую с ним. Не первый раз он посещал страны варваров, выполняя сначала мелкие поручения отцов церкви и первых слуг базилиевса, потом удостоился быть признанным к свершению более крупных дел. Побывал на востоке и западе, довелось поработать в странах, где люди имели черный цвет кожи. Везде сопутствовала ему удача, везде он находил учителей, добавивших к его нелегкой стезе знания чародейства и волшебства, что не противоречило заветам Евагрия Понтийского и неофициальной доктрине Византийской церкви. Тогда не думал монах Иоанн, что в богом забытой варварской стране, где по полгода реки скованы льдом, а земля засыпает под покровом снежного одеяла, где нет ласкового моря, а есть зеленые просторы лесов, он допустит непозволительный для него просчет. Необходимо было выправить положение. Но как? Одно неверное движение, шаг ли, брошенное слово, и чернь донесет об этом, тем, кто находится у кормила власти Гордеева городка. С ними надо было отработать тоньше, хитрее, профессиональнее, чем с теми же старейшинами северянских селений. Убийство ведьмы – это только укус, а нужен бросок и удар, после которого кривичи уже не смогут подняться. О, эта сладкая месть! Месть за его личное поражение и унижение. Затем он догонит воинство Святослава и уничтожит ненавистного кривича и всю его дружину. Лицо монаха расплылось в довольной, хищной улыбке. Он глянул на молча сидевшего за столом Военегу, что-то жующего, не решающегося вымолвить слово.

– Так ты говоришь, что твои холопы повадились за помощью в Гордеево городище?

– Да, святой отец. Никакого сладу с ними нет. Я этих жалобщиков изловлю, запороть велю!

– Не нужно будет этого делать. Все и так само собой разрешится, уж поверь мне, – улыбаясь доброй, располагающей улыбкой, промолвил Иоанн. – Вой-то у тебя надежные?

– Да, как тебе сказать? Я ж их, почитай, с рук кормлю. Но сколь волка ни корми, он все едино в лес смотрит.

– Есть у меня, Военег, одно восточное средство, если им попотчевать твоих воинов, они храбрыми и послушными будут. От них потом никаких проблем ожидать не будешь. А ведь тебе таких воинов сейчас и не хватает. Я прав?

– Так это, не помрут ли от зелья заморского?

– Ха-ха-ха! Не волнуйся, ни один из них на здоровье жаловаться не будет.

– Тогда что ж, давай свое зелье. Сейчас ключнице велю, чтоб в еду подсыпала.

– А вот ключницу не тревожь, сам управлюсь. Что это на столе за бочонок у тебя стоит? – спросил не притронувшийся за весь вечер к питью и еде монах.

– Так это же я для тебя специально вино ромейское выставил. А ты даже не пригубил.

Обойдя широкий дубовый стол, чернец приблизился к бочонку, легко вынув деревянную пробку, наклонившись над отверстием, понюхал.

– Неплохое винцо.

– Да уж!

Монах извлек из-за широкого пояса мешочек, пошитый из толстой, плотной ткани, расширив горловину его, быстро высыпал содержимое в отверстие бочонка.

– А-а-а... – оторопевший от увиденного боярин смог выдавить из себя только этот звук.

– Не переживай так, я тебе обещаю, скоро ты повкусней этого вина напиток отведаешь. Зови десятника своей стражи, угощать буду.

– Ага, – расстроенным голосом согласился боярин. – Жерава, где ты, ленивая баба?

Когда боярин вышел из светелки, монах, не торопясь, высыпал остатки порошка ему в чашу. При появлении троицы: боярина, ключницы и незнакомого воина приподнялся из-за стола, обратился к вою:

– Боярин уже сказал тебе, сын мой, что я хочу преподнести угощение всей боярской дружине, дабы наладить хорошие отношения между нами. Бери сей бочонок, отнеси воинам, пусть каждый выпьет чашу вина за мое здоровье и за здоровье вашего боярина.

Воин вопросительно глянул на Военегу.

– Уноси бочонок, Хлуд. Святой отец угощает от чистого сердца. Да смотри, чтоб не понапивались, каждому по кружке и все. Понял ли?

Молча кивнув боярину, так же молчком, с легкостью взяв бочонок в руки, десятник, зыркнув на монаха, удалился. За ним следом из светелки выскочила Жерава, крупная женщина отнюдь не малых габаритов.

– Разговорчивый он у тебя.

– Да, он такой всегда, молчун одним словом, но дело свое знает.

– Что ж, боярин, ты тут давеча посетовал, что я вино с тобой не пью. Так давай и мы выпьем за то, чтоб у нас все получилось, что задумывалось.

– С радостью!

Они сдвинули чаши, выпили их содержимое до дна.

– А скажи, святой отец, за что это ты так на кривича зол? Я ведь заметил.

– О чем ты, Военег? Тебе помочь хочу. Мы ведь с тобой старые друзья. Помнишь, ты попросил отправить к предкам своего родича, старого боярина? Я тебе тогда помог и сейчас помогу. Хорошие люди должны помогать друг другу.

– Что ты, что ты! Ч-ч-ч! Я все помню, но не надо об этом говорить, – зашептал боярин. От напоминания минувшего глаза его расширились, лицо покрылось бледностью, на висках проступил предательский пот.

– А и давай не вспоминать, коль не хочешь этого.

За столом засиделись допоздна, и спать разошлись уже глубокой ночью, а на утро боярин слег. Навестивший его ближе к обеду монах застал в постели больного человека, с осунувшимся бледным лицом, одышкой, закрытые веки даже не поднялись, чтобы взглянуть на вошедшего.

Вместе с боярином захворала и дворянка, не поднялись с лавок в войсковой избе дружинники, а солнечная погода погожим днем не располагала селян интересоваться жизнью боярской усадьбы. Каждый занимался своими делами, радуясь светившему из синевы неба Яриле.

Единственный человек, подметивший странности происходящего рядом, был десятник Хлуд. Он был уже немолод, но крепок и матер. В свое время тоже ходил в поход с князем Игорем, хорошо запомнил то, что после встречи Военегу с византийским чернецом захворал и помер их старый боярин. Здравомысленно рассудив, он не стал угощаться дареным вином, а утром увидел хворых дружинников. Пошел напрямик к себе домой.

Зайдя в свою избу, узрел удивление его приходом на лице жены, спокойно сказал ей:

– Ставица, собирай детей, с собой в узел только съестное бери. Уходим мы сейчас отсель.

– Ка-ак? – только и смогла выговорить молодая женщина, плюхнувшись пятой точкой на лавку, готовая ревом огласить округу.

– Нишкни! Вчера в селище принесла нелегкая византийского чернеца. Знаю его, а там где он появляется, следом Марена приходит. Этот черный ворон, чую, смерть до нас привел, будь он не ладен. Поэтому одень потеплее детей и уходим.

– Пойдем-то куда, любушка мой? К кому мы прислонимся, без подмоги родовичей?

– Цыть! К боярину Гордею уйдем, он примет, у него не пропадем.

Вскоре мужчина в воинском наряде, женщина и трое малолетних детей, пройдя через открытые, никем не охраняемые ворота деревенской изгороди, спешно ушли по натопанному летнику в южном направлении и через какое-то время скрылись в лесу.

К вечеру кончился боярин, умер, а вместе с ним, кто раньше, кто позже, ушла его дружина и челядь, вкусившая угощение византийского монаха. Смерть пришла за ними, расплескав синеву по их лицам, заставив пузыриться пену у рта.

Притихшая деревня почувствовала неладное, но воспитанная Военегом боязнь не позволила смердам решиться на то, чтобы послать кого-нибудь за северянским волхвом; ближайшее капище находилось от селища в десяти верстах. Люди отсиживаясь по избам, ждали, что произойдет дальше. Уже в сумерках по деревне слышался протяжный вой собак.

В деревню пришла смерть.

Когда над селением взошла луна, византиец наблюдал ее восход на боярском подворье. Прямо на земле двумя рядами лежали покойники. Здесь были все: и челядь, и воины боярина, да и сам боярин.

– Ну, что ж приступим к действию, – удовлетворенно произнес монах.

Взяв в руки отполированный кусок металла, старанием неизвестного мастера превращенный в зеркало, направил его на круглый шар ночного светила, поймав его отражение, опустил бледный луч на лица мертвецов. Из уст грека отчетливо звучали слова заклинания:

Ты, ночное светило, бледный свет в зеркалах преломи,
По пути от весны до зимы путь свой пройди.
Лик, Геката, богиня ночная, богиня подземного царства яви,
По лунной дорожке в царство мертвых пусть души умерших
пройдут.
Зиму и смерть в тело се загони.
Пусть ночью порой жажда крови мученье ему принесет,
Лишь, напившись ее, отпустит слегка.
Пусть ночью порой из могильной земли поднимает его
Приносящая тьму.

Быстро отставив зеркало в сторону, чернец маленьким, острым как бритва ножом, полоснул себя по внутренней стороне руки у запястья, зажал выходящую из раны кровь. Проходя по рядам, он слегка приоткрывал рану, давая каплям крови стечь на губы очередному покойнику. Обойдя всех, остановившись между рядами, поднял лицо к луне, продолжил произносить заклинание:

С криком утренней птицы настанет восход – воскресение дня,
Спрячь, Геката, под землю от Солнца злой дух упыря.
Тот от часа сего всецело подвластен лишь мне,
А, земля, где рожден и возвращен он,
Не примет се тело к себе.

Лежавшие до сего момента неподвижно покойники зашевелились, стали вращать невидящими глазами, еще не осознавая происшедшего с ними. Да и было ли в них сознание?

– Вставайте, упыри! – воскликнул византиец. – Пища ожидает вас! До крика первых петухов селение в полной вашей власти.

В разных концах деревни послышался протяжный собачий вой, наполненный страхом и безысходностью ночи, нестерпимая жажда погнала десятки упырей на ночную охоту. Жителям беззащитной деревни искать сочувствия было не у кого.

– Если я правильно просчитал все, то осталось подождать здесь кривичей, – прошептал Иоанн, лицо исказила гримаса улыбки.

3

– Расскажи, мне о нем подробно, каков он сам, в чем одет, голос, какой у него голос?

– Так, я ж уже говорил, – Хлуд, недоуменно посмотрел на крепкого воина, с полностью бритой головой, с вислыми, длинными усами цвета вызревшего зерна, нервно теребившего косицу витого кожаного пояса, к которому медными кольцами были пристегнуты ножны тяжелой сабли. – Пять дней тому в селище пришел чернец. Я его, как узрел, сразу вспомнил, такого не забудешь, хотя с последней встречи прошло никак не меньше пятнадцати годов. Волос длинный, черен, но теперь уж с проседью. Бородаща, будто перо на весле, окладиста, глаза тебя так и сверлят, пытаюсь проникнуть в душу, хотя лицо при том благостное. Сам весь в черное, длинное до пят одет, а из-под бороды оберег в серебре проглядывает, Белый Бог на кресте распятый. Голос ручьем льется, слова правильно произносит, не по-деревенски, но сам язык русский чистый. Бери, грит, бочонок вина ромейского, дружину, мол, угостить желаю. А я к тому вину даже не притронулся. Токмо поутру гляжу, а стражи у ворот-то и нет, в воинской избе все хворыми лежат. Ухватил я тогда свое семейство, да к вам деру дал. Там, где монах Иоанн проявится, хорошего ждать не стоит.

– Он это! – воскликнул сидевший на лавке Славка. – Точно описал византийца.

– Ну-ну! Что еще скажешь? – спросил сотник Горбыль Хлуда.

Этот разговор происходил в светлице терема Гордеева городища. Среди собравшихся присутствовали: боярыня, восседавшая в монзыревском кресле, Горбыль, Мстислав, в одночасье ставший крепостным воеводой, Славка и с утра пришедший в городок вместе с семейством Хлуд.

– В тот же вечер два стражника боярина Военег, Трут и Умысл, хвастали перед старым Ротаном тем, что византиец им по пять монет золотом отвалил, за выполнение какого-то дела на ваших землях. В ночь и ушли.

– Какого дела? – насторожился Горбыль, словно гончая, учуявшая запах дичи.

– Об этом не ведаю.

– А что за люди эти, Трут с Умыслом?

– Жадные, своей выгоды никогда не упустят, но воины отменные.

– Значит, говоришь, золотом расплатился?

– Да.

– Ну, ладно. Сам-то ты у нас остаешься или виды какие иные имеешь? – задал очередной вопрос Горбыль.

– Останусь, коли в дружину возьмете.

– Из терема выйдешь, у охранника на воротах спросишь, чтоб десятника Судислава указал. Его десяток нынче в состав караула входит, – напутствовал Хлуда боярич Мстислав. – С сего дня у него в десятке служить будешь.

– Благодарствую, воевода.

– Постой, – остановила готового покинуть светлицу Хлуда боярыня. – Ты ведь жену с детьми привел?

– Да, боярыня, это так.

– А где остановились?

– Да пока нигде. Определимся к кому-нибудь на постой, чай, мир не без добрых людей. Теперь вот служба есть, прокормимся.

Галина громко хлопнула в ладоши. На ее призыв из маленькой двери появилась славница.

– Звала, матушка? – с поклоном, приятным грудным голосом спросила боярыню.

– Проводишь добра молодца. Там у ворот теремного подворья женщина с детьми ожидают. Так вот, прогуляешься с ней к Лесавне, скажешь ей, что я велела отдать избу на окра-

ине восточной стены в пользование этому семейству; да, выдать корову, определить земельный надел, помочь с посудой и домашней утварью. Пусть сена для коровы завезут. Семенами для посадки чтоб наделить не позабыла. Поняла ли?

– Все поняла, матушка. Все сделаю и передам.

Потерявший дар речи Хлуд смотрел во все глаза на боярыню, от волнения позабыв слова благодарности. Такого просто не могло быть.

– Что-то еще, Хлуд? – обратилась к нему боярыня.

– Благодарствую, матушка! – только и смог произнести воин, поклонившись боярыне в пояс.

– Приятно, Галка, почувствовать себя Санта-Клаусом? – хитро улыбнулся Горбыль.

– Ты, Саша, заканчивай шутки шутить. Делом займись. Два отморозка вот уже который день нашу землю топчут, а мы об этом ни сном, ни духом. Что думаешь делать? – спросила боярыня.

Сразу посерьезнев, Сашка ответил:

– Да делать-то ясно что. Ты вот, Мстища, – обратился он к Мстиславу, – усиль-ка наряды, особое внимание обрати на иногородних. По лесу-то эти кадры ходить не будут, в лесу им делать нечего, разве что ночевать только. Я же весь свой вороп на пятерки разобью. Кого в засаду посажу, кого по деревням отправлю. Сам к бабке Павле поскачу с пятеркой бойцов, может, она что знает, если нет, может, у лесной нежити что спросит. Короче, никуда эти сволочи от нас не денутся. Справимся.

– Вот и займись этим, – кивнула Горбылю Галина.

– Слышь, хозяйка, чую пригляд за избой нашей. Глазом недобрым смотрят, подлость зробишь хочут, – маленький человечек в расшитой рубахе, подпоясанной бечевой, с ухоженной бородой на лице, стоя у печи, невероятно сочным баском поделился с ведуньей своими выводами. – Трава еще не везде проклюнулась, а так бы у лугового спросили, кто энто за нами погляд ведет. И ведь чую, недалече вражье око.

Из-за печи появилась Востуха – водимая домового.

– Никак, хозяйка, нас тати снова грабить пожаловали? – забеспокоилась мелкая берегиня домашнего очага и хозяйства.

– Сейчас пойдем, откуда ветер дует! – успокаивающе произнесла бабка. – Ты, Олена, сиди в избе, не вздумай выходить, чтобы ни случилось. Поняла?

Ленка, сидящая за столом за разбором сухих прошлогодних трав, не сразу и въехала в разговор домашней нежити с бабкой, увлекшись работой.

– А что такое, бабуля?

– Я говорю, сиди за столом, работай, из избы не выходи.

– Хорошо.

Остановившись перед дверью, ведунья на миг призадумалась. В это время хвостатый черношкурый бандит, кот Игрун, соскочив с Ленкиных коленей на пол, подбежал к бабкиным ногам, заурчав, стал тереть загривок о них. Не обращая никакого внимания на животину, Павла зашептала заговор:

Выйду из избы не дверьми,
Из двора не воротами —
Мышиной норой, барсучьей тропой, окладным бревном;
Выйду через густой лес, на широко поле,
Поднимусь на высоко гору,
Ты, Ярило, положи тень мне под ноги,
Звезды ясные, поднимите ее на небо,

Ты, луна, призрачным светом, дай ее мне в руку.

Ленка с интересом наблюдала, как вокруг бабкиной фигуры образовалась энергия, обволакивая ее, словно в кокон. После заключительных слов наговора кокон распался, и оболочка его втянулась в левую руку ведуньи. Оттолкнув от себя входную дверь, бабка Павла шагнула на улицу, и тут же невидимая сила отбросила ее тело назад в избу. Бабка из последних сил выбросила в открытую дверь накопленный сгусток энергии, и он, расправившись в дверном проеме на сформированный Павлой фантом, метнулся прочь от раскрытой настежь избы. Дубль черного кота и ведуньи споро мчались через поляну к лесным зарослям. Со стороны луга, ближе к противоположным от избы деревьям, послышалась ругань:

– Трут! Увалень косорукий, ты промазал! Стреляй же, стреляй! Уйдет.

Послышался шелест пущенных стрел. Ленка, стоя у открытой двери, видела поднявшегося с земли воина, громко ругавшего напарника, видела тень бегущей бабки Павлы, через которую насквозь пролетали стрелы второго, невидимого ею человека.

– Дочка, закрывай скорее дверь на щеколду, – проскрипел из-за спины голос ведуньи. – Эти тати нас не грабить, а убивать пришли.

Ленка на автомате потянула на себя дверь, закрыла ее, поставила деревянную щеколду на стопор.

«Долго ли выдержит? Если два здоровенных лба возьмутся ее ломать...» – подумала девушка.

Обернувшись к бабке, ужаснулась. Та лежала на полу, привалившись плечами к стене печи. В правой стороне груди торчала черная стрела, оперенная перьями серого цвета.

– Бабушка, – склонилась она над ведуньей. – Бабушка, что мне делать? Ты только не умирай, – запричитала над раненой. Все навыки, заложенные в нее знахаркой, сразу куда-то выветрились. Рядом с Ленкой застыли столбами представители маленького народца, домашняя нежить, уставились на бледное лицо хозяйки.

Между тем с улицы раздавались непонятного происхождения звуки, завершившиеся отборным русским матом, потом ненадолго все стихло. Снова послышался людской говор и звуки, издаваемые лошадьми. В дверь громко затарабанили, и Ленка, узнав голос Горбыля, с радостью бросилась откидывать щеколду.

– Сашка, – повисла на шее со слезами. – Бабулю подстрелили, гады!

– Значит, все-таки не успел.

Сашка, отодвинув девушку в сторону, прошел в избу и, не обращая внимания на ушастую, глазастую мелкоту, склонился над бабкой, разглядывая, в какое место угодила стрела. Ведунья приоткрыла глаза, замутненным взором всмотрелась в Сашкино лицо.

– Что же ты, Брячиславна, так подставилась? Судя по лежкам, эти козлы тебя давно выпасали.

– Вот, Олексаша, такое со мною случилось. Думала успею, подозревала воры за рухлядью пожаловали.

– Ага, а это киллеры, мать их так, свисток им в задницу, прогуляться вышли. Людогор, где ты там? Кладите бабку вместе с Сувором на стол.

Аккуратно взгромоздили Павлину на стол, та ойкнула, ощутив боль.

– Полегше, трутни косолапые.

– Батька, да мы и так...

– Ленка, чего стоишь, уставилась, иди сюда, свою бабку лечить будешь. Ты давай, Брячиславна, командуй. Сразу не скопытилась, чего ж теперь о смерти думать. Ты еще нас всех переживешь, болезная!

– Спасибо, Саша, за слова твои ласковые, – интонация ехидства проступила из уст знахарки. – Вы меня под локотки аккуратно приподнимите. Та-ак. Олена, смотри. Наконечник стрелы видишь?

– Да, бабуля. Он из спины, считай, на вершок вышел.

– Вот и хорошо. Саша, у тебя сил поболее, обломи его. Только помни, что остальная стрела во мне торчит.

– Не бойсь, старая, я мигом, не больно и без анестезии.

Со стороны бабкиной спины послышался звук ломаемой сухой рейки.

– Ой!

– Все, все, Брячиславовна, вот наконечник, – Сашка продемонстрировал окровавленный наконечник печенежской стрелы.

Отдышавшись, старуха, глянув полными слез глазами на Сашку, молвила:

– Теперь резко выдерни сам черен.

– У тебя, Брячиславна, выпить чего есть?

– Я потерплю уж как-нибудь.

– Да нет, я для себя. Чтоб в руке твердость была.

– Я тебе, лайдоку, шас такого зелья налью, чтоб руки были твердыми, как камень, а в портах естество в мякиш превратилось.

– Ну коли шутишь, по-оехали... – Сашка схватил черенок стрелы обхватом и резко дернул.

Бабкино сознание провалилось в небытие, из раны хлынула кровь.

– Ленка, дальше уж ты сама, Сувор тебе поможет. Пойдем, Людогор, улов поглядим, глядишь чего интересного узнаем.

Горбыль вместе с Людогором вышли из избы. У коновязи стояли привязанные к ней три пары лошадей. Трое наворопников, оживленно о чем-то болтая, не обращали внимания на тела татей у себя под ногами. Один тать был связан кожаными ремешками по рукам и ногам, лежал, монотонно поскуливая на одной ноте. Тело второго распростерлось, раскинув руки, лицо выпачкано кровью, между широко открытых глаз аккуратно торчал арбалетный болт.

Горбыль подошел к бойцам, спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Говорил о чем-нибудь пленный?

– Батяка, дык мы эту пададь и не спрашивали, – за всех ответил Ослябь.

– Поставьте его на ноги. Сам поспрашаю.

Сильные руки вздернули живого татя кверху, поставив его перед сотником. На его бледном лице, испачканном грязью, еще непросохшей после дождя, виновато бегали глаза, не желая остановиться и взглянуть в лицо стоявшему перед ним человеку.

– А скажи мне, чмо болотное, кто ж ты у нас будешь? Трут или Умысл?

Осознав, что кривичи знают их имена, разбойник совсем скис, если бы не было больно, откусил бы себе язык, чтоб только не общаться со страшным лысым воином, по повадкам и внешнему виду явно варягом. Так ведь больно, а боли он боялся всегда.

– Ну? – взял татя за плечо рукой, сжав его, будто клещами.

– А-а-а! Я – Умысл. Трут вона, дохлый лежит. Это он в бабку из лука стрелил.

– Ага, а ты, значит, вроде как и ни при чем, просто погулять вышел. Так, что ли? Ну-ка, парни, снимите с него рубаху, оголите до пояса. Раз этот козел говорить не желает, надо будет его маленько помучить.

– Скажу! Скажу! Все скажу! Что ты хочешь услышать, боярин?

– Ну, это же совсем другой разговор. Давай, дружище, рассказывай все с самого начала. Хочу услышать, что ты нам будешь петь.

– Я петь не могу. Прости, у меня песни петь никогда не получалось.

– Ха-ха-ха! – русичи покатались от хохота, от словесной непонятливости реципиента.

– Ох-хо-хо, ну насмешил, клоун. Ладно, не можешь петь – словами рассказывай. Давай, слушаем тебя.

От услышанного с лиц разведчиков сошли улыбки. Под боком обосновался матерый зверь, спланировавший действия убийц. Организовал для себя базу, нашел помощников. Что он будет делать дальше?

Не верить сказанному не было причин. Смушал только вопрос, почему грек траванул дружину Военег? Ответа на этот вопрос Горбыль найти не мог.

В тот же день бабку перевезли в городок, Ленку, естественно, тоже, оставив на хозяйстве в избушке домовитую нежить. А уже через два дня, вместе с уходом эскадры Рагнара Рыжего, в городок черепашьим шагом приползли слухи о том, что в землях соседнего боярина не все гладко. По ночам на селища нападают упыри, убивая людей и скот, не гнушаясь даже дворовыми собаками.

– Бред какой-то! – выразила свое мнение Галина. – Разве такое возможно?

– Еще и как возможно, – сощурилась бабка, услышав такие речи. – Ведь чего удумал, мерзавец, он ведь сразу несколько ходов просчитал и исполнил. Сами смотрите, любезные мои. Оборотил боярина и дружину его в упырей – это, во-первых. Меня, старую, из строя вывел, конечно, он считает, что убили меня, это во-вторых, слухи до Гордеева городища дошли, это в-третьих. И наконец, вы, услышав обо всем случившемся, пошлете помощь северянским селищам.

Бабка Павла призадумалась ненадолго и продолжила:

– Что собой упыри представляют, вы, конечно, не знаете. Посланная вами помощь, придя в селище, будет уничтожена, люди испиты и сожраны. Да он умелец, этот ваш византиец. Таких по округе днем с огнем не найти.

– Делать-то что, Брячиславна? Я так понимаю, тут без литры выпитой не разобраться, – зачесал в затылке Горбыль.

– Ленка пока в этом деле вам не помощница. Я поранена, тоже только вам обузой буду. Придется тебе, Санечка, самому постараться, а я научу как.

– Ты научи, а я уж постараюсь.

– Тогда слухай. Колдун обратил дружину Военег в упырей. В глухую полночь, выходя из могил, где лежат они нетленными трупами, рыщут по округе в поисках живой крови, оружия им непотребно, их оружие – зубы, крепкие, словно стальные капканы, сокрушают практически любую преграду, способны прогрызть дубовую дверь, лишь бы добраться до плоти человеческой.

– С тактико-техническими данными ясно. Ты давай, поведай, как их уничтожить, – попросил Сашка.

– Какой же ты нетерпеливый. Ты здесь не торопись, ты там, на месте, поспешать будешь, иначе смерть. Так вот, предрассветный крик петухов заставляет упыря мгновенно исчезнуть, сбежать или повергает его наземь. Найти его можно по следам, рассыпав в месте, куда он стремиться пройти, толченый мел, привезенный с меловых гор. По следу дойти до могилы, раскопать ее, а вытащив упыря из ямы, вогнать ему в сердце осиновый кол. И пусть там лежит, дожидаясь лучей Ярилы.

– Ага, я понял. Прихожу по утрам, ищу, нахожу. Кол в сердце хрясь и на солнышко греться. Правильно?

– Ну, в общем-то, да. Только вот послать бы гонцов к семи криницам, на воду которых в этом годе никто наговоров не делал. Я бы вам на крайний случай воды наговорила. Какая-никакая, а все ж защита.

– Ну и где ж их искать?

– А чего их искать. Местные знают. Пошлешь, боярыня?

– Пошлю, Павлина Брячиславовна.

- Так поторопись, люд-то гибнут. Сколько воев с собой возьмешь, Олександр?
 - Да вот, думаю, пяти хватит.
 - Мало, родимец. Бери хотя бы десяток.
 - Зачем?
 - Пока найдешь, пока выкопаешь. А вдруг не успеешь али не всех найдешь, ведь отбиваться придется. Ты об этом подумал?
 - Нет.
 - Вот и подумай.
 - Понял тебя, осознал, за тупость прощения просим.
 - Паяц, – возмутилась Галина. – Сашка, ты бы посерьезней ко всему относился.
 - Эх, Галочка, если бы я ко всему серьезно относился, давно бы уж под холмиком лежал. Все, родные, завтра поутру выступаем, а сейчас готовиться к выходу надо.
- Поздно вечером к уставшему от дел и беготни Горбылю пришел Олег.
- Ну и чего тебе, дитяtko?
 - Батька, возьми с собой. Жарко там будет, опять мамаша приснилась, а ты же знаешь, что снится она не к добру.
 - Нет, Олежка, не возьму. Десяток уже сформирован.
 - Возьми, Пашку-то берешь!
 - Сказал же, нет, так что не приставай даже. Дай перед поиском выспаться.
- Олег, обиженно вздохнув, вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

4

Конный десяток воинов весь день скорым маршем шел на северо-запад. Проводником разведчиков выступил новый дружинник Монзыревой дружины, Хлуд. Позади остались земли кривичей. Жители селищ, лежащих на пути следования маленького отряда, завидев наворопников, приветствовали их. Сашку везде хорошо знали, старейшины зазывали в гости.

– Некогда, уважаемые. Вы уж простите нас, на обратном пути обязательно заедем, – оправдывался он.

Хлуд удивлялся отношению смердов к людям Гордеева городка. Вспоминал, как Военег с дружиной объезжал свои деревни, как люди прятали скот и припасы. Спросил Людогора о разнице во взаимоотношениях.

– А что ты хотел? – сразу и не понял вопрос десятник. – То ж все родовичи наши. А на то, что кто-то из них кривич, а кто-то северянского корня, так Гордею Вестимировичу чихать с высокой телебашни. Мы все, здесь живущие, кровью в боях породнились. Все знают, случись чего, боярин поможет, подскажет. Боярыня к делу пристроит, чтоб не только не голодали, а еще и богатели. Она у нас такая. У нее даже подразделение свое имеется, объезжает селища, определяет, не терпит ли кто нужду, и если терпит, то почему дела в хозяйстве идут плохо. Нерадивому смерду пистон такой вставит, что сам боярин отдыхает. Так чего ж им к нам относится по-другому, понял теперь?

– Это я понял, еще когда боярыню увидел.

– Так чего ж и спрашиваешь тогда?

– Слушай, десятник, – понукая лошадь, чтоб не отстала от лошади Людогора, – а что такое телебашня и пистон?

– Гм! А это ты на привале у сотника спрашивай. Я-то знаю, вот объяснить толком не могу. А пистон – это вроде как плетей всыпать.

– Ага, понял.

– Хлуд, где ты там отстал? – раздался голос Горбыля. – Ты в голове колонны двигаться должен, так займи свое место. Дорогу указывай!

«Нервы, что ли, разыгрались? – одернул себя Сашка. – Чем ближе к боярской веси, тем изощренней скребут когтями кошки в груди. Со мной десять бойцов, считай подразделение, кроме Хлуда, прошли печенежские степи, остались живы – не сломались. Здесь все по-другому, другой противник. По словам бабки, если не успеем за день упокоить упырей, то ночью нас будут грызть, кусками пластать, любят они это дело. Добраться бы до той сволочи, которая заварила всю эту кашу, хлебай ее теперь, не расхлебаешься. А на людей кричать нельзя, при нынешней ситуации – это самое последнее дело. Бойцы должны видеть, что командир спокоен, обстановка ясна, отданные приказы четки и верны. Эх, мне бы их уверенность! Так, скотина, возьми себя в руки».

Узкая лесная дорога, проходящая между по-весеннему голыми кронами деревьев и кустов, скрашивалась иногда зеленью попадающихся сосен и елей, да редким кустарником можжевельника, торчащего ветлами у самой земли. Шелест песка под копытами да легкое бряцанье конской упряжи нарушали лесную тишину. Солнце находилось в той точке небосвода, когда каждому становится ясным, еще чуть-чуть и наступят сумерки, не за горами ночь.

– Хлуд, где мы находимся?

– Это, сотник, уже земли боярина Военега. До веси десятка полтора верст-то и осталось.

– Сто-ой! Павел, ко мне.

Пашка подъехал к Горбылю, натягивая узду, осадил лошадь.

– Звал, батька?

– Вот что, Пашок, поскачешь вперед, а мы за тобой гусиным шагом двинем. Твоя задача – определить место ночлега. Нам, на ночь глядя, ближе к византийскому цирку подъезжать никак нельзя. Для здоровья вредно. Исполняй.

– Слушаюсь!

Поскакав вперед по дороге, Павел на глазах у сослуживцев растворился в мареве в одночасье спрессовавшегося воздуха перед мордой его коня, миг, и он стал невидим. Только по звуку можно угадать, что где-то впереди скачет всадник.

Не торопясь, цепочка всадников растянулась по дороге.

«Сейчас определимся с ночевкой, устроим себе лежку, перекантуемся как-нибудь до утра. Надо будет еще до света поднять народ, как говорится: «Время – деньги». А для нас актуальнее: «Время – чья-то сохраненная жизнь». Что бы ни произошло, нужно выжить».

Уже в сумерках вороп подъехал к спешенному, наблюдающему за движением воев, Павлу Он стоял у мало заметной в лесной темени тропы.

– Метров триста отсюда в лесу пятачок, поросший редколесьем. Поляной назвать трудно, но все разместятся, – доложил Пашка.

– Веди.

Лес надвинулся на путников сплошной чернотой, застил и землю и небо, и воздух, обнял прелым сладковатым запахом, постелил им под ноги мягкие, неслышные мхи. Добравшись до искомой полянки, дружинники наломали с елей лапника, бросив его на землю, сверху постелили попоны, постели готовы. Обиходили лошадей, сами заправились сухомяткой. Стемнело окончательно. Поделив ночь на две смены караула, Сашка улегся спать, оставив за собой дежурство в «час волка».

– Есть кто живой?

На громко произнесенный вопрос, ответа не последовало. Большой терем, как и вся деревня, был пуст и молчалив.

Солнечным утром десяток Горбыля пересек черту настезь открытых ворот северянской веси. Деревня встретила прибывших людей тишиной улиц. Ни лая собак, ни мычания и блеяния скотины, ни людского говора наворопники не слышали. Проезжая по улице, Сашка наблюдал картину погрома. Открытые калитки, кое-где створы ворот, избы, ощеренные выбитыми дверьми, встречались проломы в крышах.

– Разобрались парами, проверяйте избы, может, кого живого найдете. Хлуд, веди к боярской хате.

Стоя в светлице боярского терема, Горбыль анализировал ситуацию, в которую окунулся по самые ноздри. Он уже успел прочесть послание неизвестного. Кусок бересты, прищипленный острым небольшим ножом к столешнице длинного стола, на котором ровным, каллиграфическим почерком, было написано: «Вы все здесь подохнете. Вас заживо сожрут. Спасайтесь, если сможете».

«Однако большой оригинал. Заботится о нас, предупреждает. Цирк уехал, клоуны остались. Ты, родной, в доблестной Российской армии не служил, знал бы, спецназ не сдается. Мы тебя, уroda комнатного, сами сожрем, кровь по капельке выпьем».

Послышался топот бегущих ног, в помещение вбегали подчиненные.

– Что топаете, как слоны в посудной лавке?

– Там это, батька, – запинаясь от волнения, подал голос Людогор. – Там, во всех домах живых нема! Обглоданные кости людей и животных, стены в потеках крови, кое-где куски мяса валяются, оторванные головы людские. Даже собак пожрали, людоеды проклятые.

Бойцы стояли в молчании, поглядывая на своего командира. На бледных лицах читалось ожидание приказа, понуждающего к действиям.

– А вы чего ожидали увидеть? Думали, что упыри вас здесь хлебом-солью всей толпой встречать выйдут. Вот, мол, отведайте, уважаемые, нашего угощения! Так, что ли?

– Что делать будем, батька? – за всех задал вопрос Людогор.

– Слушай приказ! Работаем боевыми двойками. Быть готовым к реальному бою, не расслабляться. Хлуд.

– Я, батька!

– Сколько у боярина в дружине воинов было?

– Двадцать семь, вместе со мной, Трутом и Умыслом.

– Значит, осталось двадцать четыре, приплюсуем сюда боярина, двадцать пять. Короче, самым тщательным образом прочесываем территорию деревни. Ищем свежие захоронения. Нашли, раскапывайте. Трупы вытаскивать на солнышко и кол осиновый в грудину. Обезвреженных упырей сносить и складировать на дорогу центральной улицы. Времени у нас – до захода солнца. После пересчета трупы сжечь. Не успеем, тогда пипец нам настанет. Я ясно выразился?

– Да-а! – ответил хор голосов.

– Тогда вперед и с песней!

Территорию веси проходили словно неводом. На расстоянии видимости пара страховала друг друга, и дело пошло. На заднем дворе одной из халуп нашли первых трех упырей. Свежевскопанная земля указала на то, что под ее слоем что-то есть. Тут же из хозяйского сарая были извлечены две лопаты. Привычные с детства к работе на земле русичи стали копать, отбрасывая землю, не заботясь, куда она упадет. Быстрее! Быстрее! Пот стекал между лопаток вдоль спины. Что-то есть!

– Отгребай!

Из земли проявилась нога, обутая в кожаный поршень.

– Есть, отбрасывай землю. Братцы! Кажись, нашли!

Те из бойцов, кто был поблизости, подбежали к раскопанной яме. Заглянули в нее. На глубине четырех локтей, не более, в яме лежали трое покойников, уложенных в рядок. Двое в холщовых рубахах и портах, заляпанных бурыми пятнами несвежей крови, на третьем, кроме всего этого, присутствовала кольчужная рубаха дружинника. Оба разведчика, нашедшие первое захоронение, даже не разглядывали, кого нашли, чего там разглядывать, мертвяк, он мертвяк и есть. Ухватили за руки, за ноги, перебросили через край ямы.

– Принимайте, оттаскивайте.

Схватили следующего.

– Принимай!

Только когда все три трупа оказались за пределами ямы, воины рассмотрели их. Осмотр поставил бойцов в ступор. Перед ними лежали упитанные кровью трупы – тучные, раздутые и румяные. От них исходил противный приторный запах застоявшейся испорченной крови. Появление сотника было даже не замечено.

– Чего встали, козыри дивные? Расслабились. Где осиновые колья?

– Так в мешках же!

– А должны быть под рукой. Пашка! Мухой прожужжал, колья сюда.

В отдалении послышался возглас:

– Нашли – троих!

Чуть дальше, новый выкрик:

– Мы нашли захоронение. Копаем!

– Так, ребятки, – удовлетворенно потирая руки, произнес Горбыль. – Кажись, дело пошло. Пашка! Ну, где ты там?

Подбежал запыхавшийся Павел, с мешком за спиной. Вывалил колья у ног сотника. Горбыль взял один в руку. Свежевыструганный, обработанный, он лег в ладонь удобно, будто боевой нож. Подошел к троице трупов, загорающих на солнце.

– Смотри сюда, орлы, и делай как я. Резкий удар, и обязательно один. Повторений не допускать. Ведунья говорила, что кол можно вбивать в грудину, можно в спину, это без разницы, но обязательно с одного раза. Отошли все на пару шагов назад, чтоб кровью вас не забрызгал. Бабка рекомендовала, под кровь вампира не подставляться.

Сашка присел над одним из упырей, примерился и с размаху вогнал кол мертвецу между ребрами, прямо в сердце, погрузив его до половины в плоть упыря. Мертвец дернулся, засучил конечностями, изо рта его ощерились два ряда крепких, словно капкан, зубов. На мгновение в мертвых, открытых глазах, промелькнула искра сознания и тут же потухла. Мертвое тело сделало выдох и затихло навсегда.

Сашка тоже сделал выдох, нервное напряжение с него спало.

– Готов, зараза. Отмучился. А нам еще куролесить до самого вечера.

Повернул лицо к подчиненным.

– Ну, видели? Уяснили? Сложного ничего нет. Один удар, ра-аз и ку-ку! Людогор, ты следующий. А вы пока с третьего кольчугу снимите. Через железо, подозреваю, вам кол несподручно вгонять будет. Работайте, я к следующим пошел. Не забудьте трупы к дороге сносить.

Сашка подошел ко второй группе, нашедшей захоронение упырей.

– Ну, что у вас тут, Рылей?

– Сам смотри, батька. Трое.

– Ну, так и чего вы на них устались, как солдат на вошь? Ох, мать моя женщина. Ведь говорила же мне, Сашенька, иди в гинекологи, и руки в тепле, и деньги всегда. Нет, офицером захотелось стать. Давай кол, показывать буду.

К обеду, детально прочесав всю весь, нашли девятнадцать упырей. Прошлись еще раз. Хоть убейся, больше захоронений не нашли.

«Куда бы я сам их закопал, если б подляну хотел сделать? – призадумался Сашка. – Территорию прочесали. Осталось разве что за частоколом пройтись, да в халупах поискать, половто в них нет, люди бедно жили, полы земляные. А вдруг!»

– Так, орлы мои сизокрылые. Слухай сюды. Людогор, берешь напарника из своей двойки, пошуруйте за частоколом. Хлуд, ты с двойкой Рылей обходите избы, шукайте захоронки в земляных полах. Остальные, сноси всех в одну избу, облейте все внутри и снаружи маслом и поджигайте. Я в боярском тереме ожидаю от всех докладов и думу думаю, как нам эту ночь пережить, если остачу не найдем.

Сашкины раздумья прервало появление неизвестного. Открылась дверь, и в светлицу спокойным шагом вошел монах в черной рясе, с серебряным крестом на груди. Он проследовал к столу и уселся напротив Горбыля, разглядывая его в упор. Сашка и не подумал вскакивать с места, задавать глупые вопросы, вроде того: «Кто ты есть? Как ты сюда просочился?» Он уже понял, что перед ним византиец, устроивший весь этот цирк.

– Здравствуй, сын мой, – произнес Иоанн.

– Здравствуйте, батюшка, – смиренным голосом ответил Сашка.

– Я смотрю, вы тут порядок наводите.

– Так куда денешься, приходится за вами дерьмо подчищать. Это ведь вы тут развлекаетесь, а нам после вас порядок наводить приходится.

– Да-а, я так понимаю, старая ведьма не погибла, жива.

– Вашими молитвами, батюшка. Небось, денно и ночью поклоны отбиваете за здравие бабки Павлины?

– А ты, сын мой, оказывается, интересный человек. Даже жалко будет, когда тебя сожрут этой ночью. Жаль. Но чтоб вас, варваров, к истинной вере подтолкнуть, потребно сначала гнездо ереси выжечь любыми средствами, иначе так и будете своим истуканам требы класть.

– Ну почему же сразу варвары? Вы вот тоже не совсем теми методами пользуетесь, которые нам Господь Бог заповедал. Что-то я не заметил, что вы придерживаетесь одной из его заповедей, «не убий». У вас, святой отец, слово расходится с делом.

– Не тебе, безбожник, говорить о заповедях Божьих, – повысил голос чернец, раздосадованный тем, что так и не смог вывести Горбыля из себя.

– Ну почему же?

Сашка развязал тесьму на вороте рубахи и, запустив руку к груди, вытащив ее, продемонстрировал удивленному монаху серебряный крест на ладони.

– Ты-ы?

– Что, удивлен? Это я тебя должен спросить, как же священник дошел до жизни такой, что призвал бесов, продал душу дьяволу?

Словно и не услышав Сашкиных слов, монах вскочил с места, возмущенно выкрикивая обвинения:

– Ты, христианин, служишь им, вместо того, чтоб приносить пользу святой церкви. Ты потакаешь безбожникам, спокойно наблюдая, как беснуются колдуны на капищах. Ты...

– Ту-ту-ту-ту, успокойся, батюшка, придет время, на Руси повсеместно будут верить в бога нашего, Иисуса Христа, священники заменят волхвов, старые боги спокойно уйдут на покой, уступив место Белому Богу, да и сами священники будут русскими по крови. А пока надо работать с теми, кто есть. Стараться не допустить на Русь византийских ублюдков вроде тебя. Вот над этим всем я, не покладая рук, и тружусь. А за попытку организации переворота путем внедрения на отдельной территории, входящей в государство Киевское, банды упырей, чрезвычайной комиссией в моем лице ты, чернец Иоанн, приговариваешься к смертной казни. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

Сашка помнил рассказ Монзырева о том, как этот монах ушел из рук в Гордеевом городище, поэтому, выхватив метательный нож, почти без замаха бросил его в колдуна.

– Н-на!

Нож вошел в рясу, прямо в сердце монаха, но, пройдя через одежду и тело его, словно через воздух, пролетел дальше и воткнулся в стену, там и застрял между бревнами. Сам чернец растаял в воздухе, будто его и не было. Горбыль остался в комнате один.

«Однако! Может, привиделся в моем больном воображении? Я тоже хорош, ЧК какого-то фига приплел. Нет, надо отдохнуть, разберусь с упырями, два дня меня не кантовать. Скажу боярыне, чтоб даже не искали, а сам к старейшине в Синички, баня, водка, девочки, лепота. Герою нужен отпуск».

Вечерело, в тереме собрались все бойцы. Поиски упырей пришлось прекратить, смысла в них уже не было. Все, что могли, перерыли, перепахали. Между делом откопали еще троих покойников, одного за частоколом, двоих, как и подозревал Горбыль, в халупах. Искать в лесу или полях-огородах смысла никакого не было, уж слишком большая площадь поисков.

– Что мы имеем? – обратился Сашка к бойцам. – Не найдено, как минимум, трое упырей. Так?

– Ну вроде да, – согласился Людогор.

– По рассказам бабки Павлы, для нас этого количества за гланды хватит. А если их будет больше?

Поникшие воины вопросительно смотрели на своего командира. Они привыкли всецело доверять ему. «Батюшка из любой жопы выход найдет!» Вот только сам Горбыль сейчас не разделял их точку зрения. Дело приходилось иметь не с людьми, а не понятно с кем. Убить упырей, так они и так мертвы. Как же быть?

– Значит так, бой будем принимать в тереме. Место позволяет. Двери в любую из комнат дубовые, с металлическими петлями и запорами. Окна решетками защищены. Спасибо Военегу, он тут, судя по всему, собирался приступ врагов отбивать. Второй этаж укреплен, мама не горюй как. Сгружайте с заводных коней мешки с мелом, не жалея рассыпайте вокруг терема так, чтобы нам завтра, а я верю, что оно наступит, по следочкам, тех, кого не добьем, разыскать. Пашка, ты лошадок выгони с территории деревни, пусть в поле гуляют, а то сожрут. Жалко животинку. Сам назад возвращайся, у нас теперь каждая пара рук к месту будет. Воду из семи источников, бабкой заговоренную, каждому при себе иметь, оружие проверьте, колья чтоб у каждого были, все в дело пойдет. Людогор, крышу на крепость проверь, чтоб потом не было больно за бесцельно прожитые годы жизни. Кажись, все. Работаем.

Ночное небо вызвездили звезды. Ветер утих, будто тоже ушел на покой. Мертвая деревня не подавала признаков какой-либо жизни. Звенящая тишина била по нервам. Люди, превратившие терем в цитадель, ожидали нашествие мертвецов. Мерцающий свет горящих глиняных светильников во всех комнатах позволял пригасить темноту ночи внутри терема. Ожидание схватки затянулось.

– Угу. Угу, – услышали крик ночной птицы.

– Сейчас начнется, – прозвучал шепот кого-то из воинов.

– Не дрейфь, хлопцы. Двум смертям не бывать, или вы хотите жить вечно? – спокойно, обычным голосом произнес Сашка. – Мы тоже не девочки-целочки, знаем, как северному зверю, песец который, шею свернуть.

Ободренные русичи уставились на входную дверь, дверь, за которой была темнота ночи и неизвестность. Глянув в зарешетченное окно, Сашке в голову пришла запоздалая мысль. «Надо было хотя бы пару изб поджечь, все равно деревня накрылась, а нам бы было видно, что там на дворе происходит. Теперь-то чего об этом? Хорошая мысль, как известно, приходит опосля. Где ты, Николаич, где Андрюха, чем сейчас занимаетесь? Небось и не знаете, что вашего друга Сашку сейчас местные уроды поедом жрать будут. Как мне вас не хватает».

Снаружи послышался удар во входную дверь, еще удар, теперь помощнее. Дубовая дверь держала удары, как ей и было положено. Далее пошла монотонная долбежка. Слышно, как мимо стены, с наружной стороны, на большой скорости пробежала толпа нелюдей. Удар в окно, слюда осыпалась осколками на пол. Сквозь решетку просунулась рука с когтями, на человеческие ногти это было мало похоже. Рука потянулась сквозь решетку внутрь помещения, кто-то, будто слепой ощупывал воздух, в надежде вцепиться в кого-либо живого. Рылей с саблей в руке, подобрался вдоль стены к окну, наотмашь рубанул по вытянутой клешне.

– Ы-ы-ы! – раздалось в ответ.

Обрубок когтистой лапы глухо брякнулся на деревянный пол. И тут же в прутья решетки вцепились руки, с невероятной силой пытались раскатать gratы.

– Га-а-аа! – слышалось с наружи.

Людогор нацедил из бурдюка бабкиной водицы в глиняную кружку и выплеснул в окно на руки и в темноту.

– Уа-уу! – взвизгнули сразу две твари. – У-у-у!

– Что, не нравится? О-то ж!

– Людогор, что ж ты, брат, так неаккуратно зубастых обидел. Небось, осерчали на тебя? – изрек Горбыль.

– Ха-ха-ха! – хохот потряс помещение, нервная разрядка произошла. Люди поняли, что они способны противостоять любой пакости, они отряд, они сила.

Удары в дверь прекратились, послышался скрежет внизу дверного полотна, похожий на звук маломощной фрезы, работающей неравномерно.

– Ты смотри, прогрызть пытаются, – высказал мнение Хлуд.

На крыше раздались топот и возня.

– Уже и до крыши добрались, – констатировал сотник. – Людогор, крыша выдержит?

– Там плашки дубовые набиты, а снизу толстые, струганные доски. Только кто ж его знает, силища-то какая, гля, как дверь прогрызают, уже и челюсть появилась.

Действительно, угол двери был изгрызен начисто, словно гусеница заточила лист фруктового дерева.

– Е-о, мое! Если и дальше так пойдет, они весь терем разгрызут. Людогор, дуй наверх, с тобой трое. Смотри там в оба.

– Понял!

– Пашка, чего смотришь, плесни водички, нехай стружку запыет.

– А-а-ах! – раздался возмущенный рык, пропитанный болью от Пашкиного угощения.

– Хороша водица.

Снова попытка выломать железную решетку, теперь уже на другом окне. В раскачку, в раскачку. Плеск воды, возмущенный рык и отскок.

– Полет нормальный, – удовлетворенно высказался Пашка.

Опять заработала «фреза» за дверь. Одновременно на крыше послышался скрип и скрежет отрываемой доски, ругань Людогора с элементами Сашкиной ненормативной лексики.

– Люда, ты чего там матерись, дорогой, – крикнул Горбыль.

Из проема выхода на второй этаж свесилась голова Людогора.

– Лезут проклятые, батька. Крышу на части рвут.

– Много их там?

– Да, кажись, трое. Пока не посчитать.

– Откуда столько?

– А дидько его знает!

– Так, парни, я наверх. Вы не стесняйтесь, поливайте дверь и окна водой. Никому не расслабляться.

Сашка прыжками, по всходу взобрался на второй этаж.

– Как тут?

– Хреново, сам смотри.

Крыша трещала от отрываемых нечеловеческими усилиями плашек. В узкой полоске можно было разглядеть звезду на небе.

– Сейчас полезут. Людогор, готовь воду, Сувор, ты с колом наготове, я – с саблей, остальные страхуют.

В образовавшуюся щель приличных размеров прыгнул упырь, толстенный, глаза навыкате. Клыками ощерился на встречающих. Почти одновременный возглас потряс пространство:

– Баба!

– Жерава! – это Хлуд.

– Люда, воду! – это Сашка.

Людогор плеснул в лицо упырихе водой.

– А-а-у!

Сашка саблей снес башку с шеи. Возглас стих. И тут же, на всякий случай Сувор всадил кол в спину, между лопаток покойнице.

– Бинго! – вырвалось у Горбыля. – Трупешник в сторону, чтоб не путался под ногами. Ждем-с следующего.

Страхующие бойцы только успели оттащить от пролома над головой обезглавленную упыриху, когда вниз соскочил следующий клиент. Звероподобный, бородатый увалень, явно при жизни своей воином не был, с большим брюхом, с клыками в два ряда. Он расставил руки в попытке обхватить сразу всех. Глаза горели жаждой крови, его мучил голод. Вот в эти-то глаза пришелся выплеск бабкиной воды. Взревел, но, в отличие от Жеравы, ослепнув, метнулся в сторону, сбив плечом одного из подручных Горбыля. Упыри вместе со смертью получают такое

качество, как скорость, становясь в три раза быстрее, сильнее и выносливей любого крепкого мужчины. Ни Сашка, ни Сувор не успели сработать, а кровопийца, почти вслепую разорвав зубами шею наворопника, припал губами к брызнувшему фонтану крови.

– На-а! – вогнал между лопаток людоеду кол Сувор.

Сверху, промелькнув серой тенью, соскочил упырь. Горбыль взмахнул саблей, но она прошла над головой присевшего упыреныша. Малец, на вид лет одиннадцати, ухватившись руками за ногу Хлуда, щелкнул челюстью в попытке перекусить ее. Вырвал кусок мышцы из икры. Проглотить не успел, голова откатилась в сторону, отрубленная наворопником, но тело гаденыша свою хватку не ослабило.

– А-а-а! – вопил Хлуд от боли и ужаса.

Сашка, зверея, пришел в боевой транс, наконец-то сработал подарок перехода. Очередного «десантника», успевшего только опуститься в прыжке на полусогнутые конечности, разделал под карандаш. Два взмаха пашки, и руки упыря от самых плеч, валятся на пол. Сувор встроил осиновый кол в грудную клетку.

– Спокойничек! Да, успокойте кто-нибудь Хлуда, так ведь и будет орать.

Сувор всадил в спину безголовому мелкому пакостнику кол, оторвав его от Хлуда, отбросил безголовое тело подальше в сторону. Божидар помог Хлуду отойти к дальней стене, перетянул ногу жгутом. В это время на первом этаже послышалась возня и ругань с криками. Звуки борьбы привлекли всеобщее внимание.

– Людогор, я вниз, там жарко! – подался к лестнице Горбыль.

– Угу.

На первом этаже было действительно жарко. На одном из окон мертвяки все-таки сумели вырвать решетку, и сейчас в светлице находилось двое упырей, еще один, уже по плечи залез из-под прогрызенной двери внутрь терема. Настырный, несмотря на то, что его облили водой, упорно продирался дальше. Видать, подпривык к водиче!

Сашка быстро оценил ситуацию. Размахивая саблями и прикрываясь щитами, по светлице разведчики гоняли двух упырей, а может, упыри гоняли разведчиков, уклоняясь от сабель, норовили вырвать кого-либо из хлипкого строя.

«Та-ак!»

Горбыль с замаха опустил саблю над дверью, отделяя ползуну голову вместе с плечом и одной рукой от остального тела, половиня его. Метнулся к окну, рубанул уже влезшего на подоконник мертвого подонка. Почувствовал, как сзади чья-то рука мертвой хваткой хватается его за плечо, развернув к себе. Смрадный дух ударил в ноздри. На автомате оттолкнул напавшего колом, удерживаемым левой рукой. Угодил в грудь.

– Бинго! Сдулся засранец.

Загнанного в угол, коллективно зажав щитами, поливаемого водой вампира охренакали колом остальные разведчики.

Высунувшись в окно, Горбыль поглазел на сереющую ночь. Мимо окон промелькнули двое упырей. Оглянулся. Его люди дышали как загнанные, запаленные кони, отходя от бегов по большой комнате с препятствиями. Уставились на своего командира. От двери к людям, цепляясь единственной конечностью за пол, подтягивая плечо с болтающейся головой полз ополовиненный урод.

– Помогите товарищу, – Сашка кивнул наворопнику на неудачливого упыря.

– Ага!

Подойдя к ползущему обрубку, боец в упор выстрелил из арбалета, пригвоздив голову к деревянному полу. Конечность вхолостую скреблась по доскам пола, не в состоянии сдернуться с болта.

– Чего прижухли, кони стоялые, копытами не бьете? – ухмыльнулся Горбыль.

– Барсука гады загрызли, батька!

Лицо Сашки на миг омрачилось.

– Наверху тоже минус один. Вот так-то. Но будем жить! Еще ничего не кончилось. Сколько еще этой нечисти, неизвестно. А посему берите тело Барсука и уносите наверх. Все наверх, здесь можем не удержаться.

Все поднялись на второй этаж терема, захлопнули за собой широкую, дубовую ляду, застопорив ее на металлические щеколды-засовы.

– Откуда их столько, Хлуд? – спросил Горбыль у стонущего дружинника. Тому уже сделали перевязку на ноге. – Да, не стони так, герой. Кость цела, мясо нарастет. Так, откуда? Мы ведь насчитали двадцать пять.

– Дворня. О-ой! Дворню не посчитали. Баб-то видел? Это Жерава, ключница Военег, да малец, так ведь они не одни в тереме жили. А дворня с дружиной не то чтобы в дружбе была, но друг друга прикрывала, ежели что. Жизнь такая. Вот и выходит, что и дворня винишком ромейским побаловалась. О-ой!

– Считаем по новой. Жерава, малец, вон увалень. Так? Сколько еще?

– Не больше трех осталось.

– Та-ак! Уже хорошо. Четверо, становись у пролома. Шашки наголо. Страшующие, с колами на изготовку им за спину. Работаем мясорубку. Все слышали, этих тварей не больше троих осталось. До рассвета дотянем, а там будем посмотреть.

– Батька, гля!

В проломе показалась голова упыря, пристально оглядев представителей торжественной встречи, вампир скрылся. По крыше протопали шаги.

– Военег! – подал голос Хлуд. – Он!

«Умный с-сука, первым под танки не поперся. Не вышло у челяди, решил сдернуть по тихому. За ним пойти?»

Горбыль оглядел своих пацанов, те в ответ поглядывали то на него, то вверх на разобранный потолок.

«Можно нарваться. Беспольной смерти нам и нать не нать. Подождем утра, а там по следочкам найдем эту погань».

В это время кто-то снизу как-то нерешительно попробовал приподнять крышку входа на этаж. Это было замечено всеми, оно и понятно, напряженная тишина и нервы как натянутые струны, чуть тронь и лопнут, обострили внимание. Сашка приложил палец к губам, кивнул Людогору, пальцовой указал: «Открой запоры».

В ответ, кивнув головой, Людогор тихим шагом подкрался к ляде, медленно отсунул обе щеколды и так же тихо отпрянул в сторону. Сашка, напротив, подошел к стороне, где крышка крепилась петлями. Отпальцевал Рылею, мол, подойди ближе и повернись спиной к отверстию лаза. Поняв, что выступает в роли «подсадки», Рылей вышел на исходную. В руках у Горбыля осиновый кол, занесенный для удара. Опять нерешительная проба поднять крышку. Пошла. Приподнялась вверх не больше чем на ладонь. Ага, осматривается, что он может там увидеть кроме ног стоящего перед ним? Сашка в режиме, для него время и пространство спрессовалось в плотную массу, для него движения людей словно в тягучем киселе проходят. Для всех крышка с невероятной быстротой откинута назад, мелькание выскакивающего упыря. Для Сашки ляда просто быстро двинулась вверх, по лестнице приподнялась фигура, при выходе высунулась по пояс. Прыжок на открывающуюся в его направлении крышку, и вот он уже ногой застопорил продвижение гаденыша, одна половина которого с раскинутыми в стороны руками припечатана к доскам пола. Удар колом между лопаток. «Хрясь!» – брызги вонючей красной, тягучей жидкости расплескались по сторонам. Клиент задергался в конвульсиях.

«Готовченко», – Сашка вышел из режима.

Рылей вытер вспотевший лоб.

– Да-а, батька, перетрухал я однако, чуть не обосрался.

– Страшно было?

– Ага!

– Это нормально, значит, с тобой можно идти в разведку, Рылей. Это только безголовые идиоты да вот упыри ничего не боятся. С одними опасно ходить, потому, что не знаешь, когда он тебя под выстрел подставит, ну а другие и так уже мертвы, чего им бояться-то.

Утром меловой след привел наворопников к лесу, буквально в двух шагах от его опушки, бойцы раскопали в двух ямах Военег и еще одного бывшего дружинника. Вогнали по колу в грудную клетку, вытащили на утреннее солнышко. Третья яма оказалась пустой.

– Это того, которого батька замочил, – выразил общее мнение Рылей.

Из-за дерева к воинам вышла зеленоволосая, зеленоглазая красавица в длинной холщовой рубаше, расшитой листьями и цветами. Улыбнулась глазевшим на нее бойцам.

– Спасибо, витязи. Тяжко мне было такое соседство переживать. Пусть боги пребывают с вами, и будет вам удача воинская.

– Спасибо за слова добрые, – отозвался Людогор. – Прости нас, берегиня, угостить тебя нечем и народец твой лесной. Да мы и сами голодные.

– Что ты, витязь, я и так вам обязана, – она обернулась к гоблинской роже Горбыля, улыбнулась ему. – А тебе, воин, предскажу близкие события. Предстоит тебе вскоре поездка в сторону восхода Ярилы, будет у тебя встреча с той, что сродни мне является, да только плотью обладает и реку хранит.

«Вот не было печали, ну про поездку, положим, я и так знаю, а вот встреча...»

– Спасибо, конечно, красавица. А без встречи предсказание никак не сбудется?

– Ха-ха-ха! – Звонкий колокольчик смеха удаляющейся в лес берегини окончательно испортил Сашке утреннее настроение.

Полуденное солнце разбросало лучи над северянской землей. Вороп на лошадях уходил на юг, оставляя за собой бушевавший пожар, горела мертвая северянская деревня, бывшая вотчина боярина Военег. Ушел в небытие еще один славянский род. В ранце у Горбыля лежало берестяное послание монаха, в котором каллиграфическим почерком было написано: «Ну что ж, здесь не получилось, так ожидайте смерти своего боярина!»

5

Позади остались поля, перелески, дубравы и тяжелые, едва проходимые леса – привольная земля северянских русичей. В густых и сумрачных лесах отряду встречалось немало деревень, люди жили по своим родовым, испокон веков заповедным законам. В пути ночевали в небольших селах, чаще просто в лесу под открытым небом. Дружинники клали на землю лапник, сверху стелили попоны, под голову седло, вот постель и готова. Караул выставлялся по очереди от всех подразделений, исключая вороп, у разведчиков дел и так хватало. Даже на своей территории Олесь завел постоянное наблюдение и разведку в пути следования. Уроки Горбыля даром не прошли. Иногда на пути встречались небольшие отряды воинов, не все из них имели броню. Молчаливо смотрели на проходящую мимо Монзыреву дружину, сопровождали некоторое время следом, затем растворялись в лесной чащобе. Олесь сообщил боярину, что это дружины родовых бояр, по землям которых шло его воинство.

Чернигов вырос среди лесов и полей неожиданно. За гладью большой реки – весенний разлив Десны в этом году еще не сошел полностью – вставали высокие стены крепости, рубленной из тяжелых бревен вековых исполинов, частокол на самих стенах, княжеский детинец. В стороны от речной магистрали отходили рукава небольших речушек. Островерхие крыши домов, кучно разбросанных по изрезанным берегам, уходя в овраги и возвышенности вершин, делили город на ряд отдельных участков, посадов. Сами городские посады были тоже укреплены крепостными стенами. Богатым светлым градом предстал Чернигов глазам дружинников, многие из них в своей жизни видели только свое селище, а Гордеев городок считали чуть ли не столицей Руси.

С возвышенности, на которую прямо из леса выехала дружина, воины разглядели не только город, но и то, что навстречу им, перейдя по мосту, следует два десятка всадников. Сразу было видно, что всадники не простые, собранные в ополчение по деревням, а бронные, хорошо одетые и оружные воины. Монзырев остановил дальнейшее продвижение дружины, сам с подъехавшими соратниками стоял ожидая. С лошадой спешиваться не стали.

Понукая лошадей, черниговские витязи по скосу бугра взобрались на возвышенность.

– Здрав будь, боярин кривичей. Светлый князь Вратислав, зная о твоём приезде, направил меня для встречи и сопровождения в детинец. Я сотник младшей дружины князя, Горыня.

Перед Монзыревым восседал на коне человек немалых размеров и силищи, в островерхом шлеме с наносником, на плечи которого спускалась железными кольцами бармица. В его кольчужную рубаху, наверное, могли одновременно влезть двое обычных людей и чувствовать там простор. Конь был под стать седоку.

«Богатырь, – подумал Монзырев. – Однако никогда не думал, что встречу человека, описанного в былинах».

– И тебе здоровья, витязь, подобный горе, так, по-моему, можно переложить твоё имя на обычный язык. Если ты сотник младшей дружины, то каким тогда должен быть сотник старших гридней?

– Ха-ха-ха! Ты не поверишь, боярин, тот сотник мне едва до плеч достаёт. – Разливистый, басовитый хохот сотника заставил смеяться бойцов, находившихся поблизости от говоривших, а вскоре смеялись даже те, кто не слышал, о чём велась речь. Просто людям стало весело уже оттого, что их боярин смеётся, а значит, всё хорошо.

«Наш человек!» – отметил про себя Монзырев, отсмеявшись.

– А как это стало известно, что я с дружиной подхожу к Чернигову?

– Дак известно уже давно. Поместные бояре, через земли коих шла дружина, гонцов присылали. А что идёшь именно ты, так по штатндарту твоему и поняли. На полотне небесного цвета в священном коле нетопырь расправил крыла.

В свое время Монзырев, не мудрствуя лукаво, поднял над крепостью стяг, где на контурах земного шара расправила крылья летучая мышь черного цвета, символ Российской военной разведки, вот и получился казус с нетопырем и божественным кругом славян.

– Так что поехали в княжки хоромы, там давно тебя дожидаются.

– Стой, а воинство где разместить? Не здесь же становищем стоять?

– Зачем здесь? Вон, – богатырь указал рукой направление, – в Беловозском посаде и место для твоих сотен имеется. Оно, конечно, по-походному развернутся, так зато за стенами, не в чистом поле.

– Провожатого дашь?

– Я знаю, где это, батька, – подал голос Ратмир. – Чай, город-то мне родной.

Светлое просторное помещение в княжеском тереме, стены которого были покрыты тонким слоем пчелиного воска, натерты челядью до зеркального блеска, радовало глаз. Ведя неспешную беседу с князем, удалившим своих ближних бояр, недовольных таким решением, Монзырев подмечал предметы интерьера в княжеской светелке. В оконные рамы, не в пример его терема в Гордеевом городке, были вставлены не слишком качественно обработанные листы слюды, тускло пропускавшие дневной свет с улицы. Светильники, расставленные по углам, представляли собой сбор дизайнерских разновидностей и видов, но свои функции выполняли неплохо. Мебель заменялась покрытыми тканью и коврами сундуками и лавками.

Отвлечшись на мгновение, Монзырев ухватил концовку княжеской речи, мысленно выругал себя за то, что из-за своего любопытства, оценки функциональности своего и княжеского жилища, может быть, что-то существенное пропустил в речи князя.

– Да-а, жаль. Так ты что, решил после случившегося, что пора дружину в седла сажать, и ко мне приехал? – донесся до ушей Анатолия голос князя.

Монзырев посмотрел в умные, цепкие глаза черниговского правителя.

– Да нет, это только звоночек прозвучал, а еще ранее случился у меня серьезный разговор со знакомцем одним. Вот он-то мне и присоветовал по весне в поход идти.

– И кто сей знакомец? – с усмешкой на устах, будто наперед зная ответ, спросил коронованный собеседник.

– С Велесом я встречался.

– Эх, любят тебя боги наши. Может, и не поверил бы тебе, боярин, если б волхв Святогор не поведал, в каких отношениях ты с этим богом. Говорит, друзья вы с ним.

– Шутит. Кто я, а кто Велес. Просто приятели. Он мне помог, потом я ему, снова он, а затем я. Какая дружба, обычные приятельские отношения.

– Ага, у меня Велес в приятелях не ходит. А боярин курский Вадим так тот прямо доносит, ты с Перуном знакомство свел. Так ведь? Молчишь, знать, правда.

Во взгляде князя промелькнуло любопытство и вместе с тем, победные интонации, соответствующие невысказанному вслух вопросу: «Что, поймал я тебя, боярин?»

– Ну свел, так что, на каждом углу об этом кричать?

– А я, князь, за всю жизнь ни разу не удосужился того, о чем мой боярин даже говорить не желает.

– Ну да, а еще Лада со мной шутку пошутила.

– Это какую-то шутку?

– Да вот, боярыню мою мне сосватала.

– Врешь! – с непосредственной простотой жителя деревенской глуши воскликнул князь.

– Клянусь. – Монзырев еле сдержался от желания подтвердить правдивость своих слов отмашкой православного креста. Князь мог бы и не понять такого жеста со стороны родового боярина кривичей.

– Да-а, любят тебя боги. Ну и чего там тебе Велес насоветовал?

– Не посоветовал, прямо сказал. Иди, говорит, по весне, со Святославом в поход. Вот я к тебе и привел дружину.

– Так я не Святослав.

Толик хмыкнул. Уже серьезным взглядом зыркнул в лицо венценосного шутника.

– Я это знаю, но ты мой князь. Я что, через твою голову прыгать буду? Ты начальник, вот и решай, а уж если непустишь, останусь. Сам с богами разбирайся, почему не пустил.

– Слова-то какие мудреные говоришь, я таких и не знаю. Опять же, странный ты человек, боярин, я других бояр в бараний рог скрутить могу, а с тобой как-то не получается. Мы тут вдвоем, могу и прямо сказать. Ты вроде и племени другого, и боярин поместный, захудалый, и на земле моей сидишь, а говорим вот с тобой на равных, как два вотчинных князя. И ты этому не удивлен, и я ничего поделать не могу. Вот почему так?

– А что тут непонятного, если уж напрямую разговор пошел, прости, конечно, но я, в отличие от твоих бобиков, задницу тебе не лижу и лизать не собираюсь. У тебя дружина для защиты княжества, и у меня для того же. И ты знаешь, что, в отличие от некоторых твоих, я тебе всегда плечо помощи подставляю и серебра-злата, земель дареных не спрошу. Не нужно мне это все. И на посулы ничьи не пойду. Теперь понял? Ведь и раньше обо всем сам догадывался, от меня, наверное, услышать захотел.

Помолчали.

– Как там боярыня твоя поживает?

– Спасибо. Дочь у нас, почитай, уже два года ей.

– Наследник нужен, у меня уже двое сыновей.

– Для меня это не цель. Парня видел, что со мной к тебе пришел? Мишкой зовут. Смену себе рашу.

– Как так? – удивился князь.

– А вот так. Я не князь, за удел не держусь. Мне на смену не обязательно сын прийти должен, главное, чтоб дело знал да дураком не был.

– Вот я и говорю, странный ты. Ладно, засиделись с тобой, идем трапезничать.

– Прости, князь, не в обиду, отпусти меня. Скоро ночь, а мне еще к свату заглянуть нужно. Обещал.

– Ха-ха-ха! Какой же ты все-таки, не похожий на других. Те бы за счастье почли... Ха-ха-ха! Ладно, иди уж, занимайся делами. Завтра после полудня жду у себя. Завтра и решение приму.

– Буду.

– Постой! – поколебавшись, задал мучивший вопрос. – Как думаешь, печенеги в набег придут?

– Нет. Обескровил я их. Может, в следующем году, а в этом, разведка донесла, не придут.

– Все, иди.

Выйдя из княжьего терема, Монзырев наткнулся на ведущих беседу с гриднями Андрея и Мишку. Заметив его, оба, простившись с новыми знакомцами, направились боярину навстречу.

– Ну как? – задал вопрос Андрей.

– Кверху каком, завтра все решится. Мишаня, лошадей веди.

– Сейчас приведу, батька.

Оставшись вдвоем, Андрюха поделился услышанным:

– Не все тут гладко, Николаич. Здесь, как и у нас в будущем, боярство поделено на две партии. Одна за поход ратует, другая склоняет князя к тому, чтоб к границам идти, мол, печенеги набегом придут, землю родную защищать надо. В самом городе полно пришлых греков. Я так думаю, идет банальный подкуп местных «депутатов», то бишь думных бояр. Короче, распоясались агенты влияния.

- Это я уже понял по некоторым вопросам и высказываниям князя.
- Сейчас-то куда?
- К Ставр. Звал.

– Ты понимаешь, сват, я, конечно, грешен, но ведь эти-то подлецы прямо толкают князя на то, чтоб не вмешивался в политику Киева. Отделался бы посылом в войско киевского князя боярского ополчения. Пусть, мол, идут в поход те бояре, которые согласятся воевать в землях чужестранных. И мотивация есть – печенеги. К ним не подкопаться. Две весны тому я к Свято-славу со своей дружиной ходил, с двумя старшими сыновьями. Восемьдесят городов на Дунае и задунайских землях мы тогда взяли. Шли по землям болгарским достойно, без грабежей и насилия, князь запретил, все ж братья славяне. В Переяславце обосновались, думали ну все, конец войне. Князь готов был принять вассальные обязательства болгарских бояр. А тут печенеги в спину ударили, подкупили ихних вождей византийцы. Видимо, много золота отвалили, напали те на Киев. Одна из орд по земле черниговской прошла, ну это тебе известно. Стар я стал, а так хочется Византийскую империю за вымя пощупать. Молодым самое время в поход пойти, а они золото византийское в своих сундуках пересчитывают. Эх, куда мир катится?

- Я тоже столкнулся с этим, Твердятич.

Монзырев обстоятельно поведал обо всем, что произошло в его вотчине и почему он здесь со своей дружиной.

– Значит, и к тебе подбирались? Что ж от княжества отказался? – лыбясь, Ставр косо глянул на Монзырева, разлил по чашам хмельной мед.

– А зачем ты со Святославом в поход ходил? – сделал глоток Монзырев. – Во-от! Главное для нас с тобой – единство помыслов и действий. А опасность для Руси сейчас с юга идет, Византия, Булгария, печенеги. Вся срань оттуда прет, и воевать нам выгодно сейчас на чужой территории, и княжества новые нам сейчас не нужны.

- Давай.

Выпив, перекусили слегка. Монзырев давно уже утолил голод, сидели они с Твердятичем у того в горнице, расположившись за столом у стены, украшенной шкурами и рогами диких животных, с развешенным по ним всевозможным оружием. Была поздняя ночь, и даже боярская челядь разошлась почивать.

- Значит, в круг княжих ближников входят предатели? – задал вопрос Анатолий.

– Ну, зачем так сразу и предатели. Нет. Просто здесь затронуто противостояние княжких столов и интересы многих, как они понимают политику, совпали с интересами Константинополя. Ну, а уж коли за это еще и деньги плачены, так и вообще прибыль всему. Ты думаешь, сам князь не понимает этого? Надоело ему голову склонять перед Святославом, будто Чернигов не ровня Киеву.

- Ты-то сам на чьей стороне?

– А ты как думаешь? Я своему князю вассальную клятву давал, я боярин его, такой же, как и ты.

- Так чего ж тогда ерепенишься?

– А время сейчас такое, что Святославу помочь треба. Ладно, поздно уже. Что мы все о делах? Ратмира я сегодня так и не увидел, домой к батьке не пришел. Что это он?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.